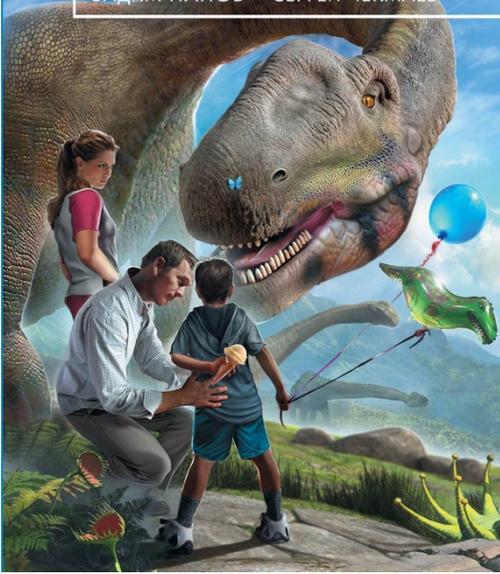

СЕМЬИ.net

ОЛЕГ ДИВОВ • ДМИТРИЙ ЕМЕЦ •
ЛЕОНИД КАГАНОВ • ПАВЕЛ КОРНЕВ •
ВАДИМ ПАНОВ • СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

**Михаил Юрьевич Тырин
Сергей Владимирович Чекмаев
Алекс Громов
Павел Николаевич Корнев
Леонид Александрович Каганов
Юлия Рыженкова
Майкл Гелприн
Виктория Викторовна Балашова
Наталья Болдырева
Вадим Юрьевич Панов
Андрей Николаев
Сергей Михайлович Игнатъев
Дмитрий Емец
Ольга Шатохина
Арон Шемайер
Олег Игоревич Дивов
Татьяна Бурносова
Михаил Кликин
Юрий Николаевич Бурносов
Яков Будницкий
Дмитрий Михайлович Володихин
Борис Георгиев
Семьи.net (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6881252
Семьи.net : фантастические повести и рассказы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72494-9*

Аннотация

В мире ближайшего будущего полностью отказались от традиционной семьи. Общество давно готовили к этому, информационные атаки на привычные ценности велись с разных сторон – здесь смещение приоритетов в сторону карьеры, успеха, звездного статуса и идеология гедонизма, ювенальная юстиция и чайлдфри, однополые семьи... И вот – случилось. Что же дальше? Как будет выглядеть бессемейное человечество?..

Олег Дивов, Вадим Панов, Дмитрий Емец, Лео Каганов, Павел Корнев и другие в традиционном сборнике о будущем, которое всех нас ждет!

Содержание

Семейный пережиток	6
Наталья Болдырева	6
Леонид Каганов	15
Олег Дивов	31
Алекс Громов, Ольга Шатохина	53
1. Место для влюбленных	53
2. Спустя три часа	53
3. Оглядываясь в суровое Прошлое	54
4. Кровь и слезы столетий	54
5. Очищенное Настоящее	55
6. Мы выбираем	57
7. Всегда возможны неожиданности	58
9. Идеал и его поиски	59
9. Стать своим...	59
10. Быть в резерве	61
11. Дитя цивилизации	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Олег Дивов, Дмитрий Емец, Вадим
Панов, Дмитрий Володихин, Михаил
Кликин, Леонид Каганов, Сергей
Чекмаев, Михаил Тырин, Павел
Корнев, Ольга Шатохина, Андрей
Николаев, Майк Гелприн, Наталья
Болдырева, Борис Георгиев, Юлия
Рыженкова, Виктория Балашова, Алекс
Громов, Юрий и Татьяна Бурносовы,
Сергей Михайлович Игнатъев,
Арон Шемайер, Яков Будницкий
Семьи.net (сборник)**

© Балашова В., Болдырева Н., Будницкий Я., Бурносова Т., Бурносов Ю., Володихин Д., Гелприн М., Георгиев Б., Громов А., Дивов О., Емец Д., Игнатъев С., Каганов Л., Кликин М., Корнев П., Николаев А., Панов В., Рыженкова Ю., Тырин М., Чекмаев С., Шатохина О., Шемайер А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Уважаемые читатели!

Мы продолжаем условную серию социальной фантастики, начатую сборниками «Антитеррор-2020», «Беспощадная толерантность» и «Либеральный апокалипсис». Сообщество «Литературные проекты» при поддержке Екатеринбургской епархии, клуба «Русский предприниматель» и лично Дудовцева Андрея Олеговича представляет вашему вниманию новую антологию: «Реквием по семье».

Война за ценности сейчас идет на всех фронтах и с некоторого времени с переменным успехом. Сторонники традиционного уклада пока держат позиции, а в России, Индии и в ряде других стран даже сумели провести успешные контратаки. Но в иных местах оппоненты продолжают наступать, сконцентрировав свои усилия на семейном фронте.

Алогичные и неизменно «прогрессивные» новые ценности временами побеждают здравый смысл, но справиться с инстинктами оказывается гораздо сложнее. Несмотря на профессиональную пропаганду, ведущуюся едва ли не с яслей, люди продолжают вступать в брак и рожать детей. Институт традиционной семьи, безусловно, сохранится, однако описанные в рассказах авторов нашего сборника зловещие сценарии вполне могут реализоваться в рамках отдельных стран или сообществ.

Но не стоит думать, что негативные варианты будущего, которые вы прочтете в этой книге, высосаны из пальца. Уже сейчас мы можем наблюдать, как в одном государстве слова «мать» и «отец» вдруг заменяют на нумерацию родителей, в другом – запрещают женщинам

брать фамилию мужа при регистрации брака, а в третьем ювенальная юстиция без лишних рефлексий забирает ребенка в опеку за разбросанные игрушки и майку не по размеру.

Атака на семью ведется не какими-то отдельными маргиналами, отнюдь. Давным-давно придуманы правильные слова, стратегии и нарисованы красивые графики. В недавнем исследовании экономисты Альберто Алесина из Гарварда и Паола Гилиано из Anderson School of Management утверждают вполне безапелляционно: «Семейные узы тормозят экономику». Оказывается, в странах, в которых семьи играют большое значение, люди меньше доверяют друг другу. Гражданское общество в них не развито.

Столь глубокий вывод делается на основе серьезных расчетов, где, например, одним из параметров служит расстояние, на котором дети селятся отдельно от родителей. Чем оно больше, тем мобильнее экономика. В общем, получается либертарианство в чистом виде: людей нет, есть только эффективные и неэффективные рыночные механизмы. Современный капитализм, выросший на безудержной экспансии семейных кланов, более сплоченных и агрессивных, чем любые акционерные общества, вдруг решил стыдливо об этом забыть. В мобильном мире можно управлять бизнесом в другом полушарии, не выходя из офиса – и больше нет нужды посылать младшего брата или племянника развивать компанию на край света.

На бытовом уровне очень хорошо работает традиционная для культуртрегерской пропаганды подмена понятий. Беременные или рожавшие матери презрительно именуется «овуляшками», дети – «спиногрызами», а сторонники семейных ценностей – ретроградами пещерного толка.

Но ни составитель, ни авторы сборника не собираются впадать в безудержное кликушество. Происки тайных обществ и Всемирный Заговор оставим для журналистов изданий соответствующего цвета. Наша задача: привлечь внимание к проблеме, показать, во что может превратиться мир, если некоторые активно насаждаемые тренды победят повсеместно. Фантастика как жанр (и как метод) тем и сильна, что лучше прочих видов литературы умеет строить модели будущего. А вот насколько они получились реальными, непротиворечивыми и пугающими – судить вам, читатель.

*Силантьев Р. А., член бюро Всемирного русского народного собора, доцент МГЛУ,
Чекмаев С. В., редактор-составитель.*

Семейный пережиток

Наталья Болдырева Чужие

– Ты Митник?

Парень смотрел прямо, но вся его поза выдавала внутреннее напряжение. Он казался лишним здесь, и сам чувствовал свою неуместность. Было трудно, практически невозможно определить, что отличало его от прочих посетителей наливайки, но взгляд невольно цеплялся за его фигуру.

– Сядь. Не маячь, – сказал Митник, кивая на высокий табурет напротив. Парень сел, разом заслонив Митника своей широченной спиной от всего зала. Улыбнулся открыто, наконец расслабившись. Блеснул ряд безукоризненно ровных, белых зубов. Митник невольно повел языком, нащупав дыру на месте выбитой левой верхней четверки.

– Привет! Я слышал, ты можешь перепрошить гибрида? – Заведя руку за спину, парень не без труда вытянул заткнутый за ремень гибкий ридер. Бросил на столешницу и чуть подтолкнул к Митнику.

– От кого это, интересно, ты такое услышал? – спросил Митник, не спеша прикоснуться к гибриду. Улыбка сошла с лица парня.

– Просто. В компании... Я не помню. – Замолчав, он бросил быстрый взгляд на банку с энергетиком. Провел языком по губам. – Здесь кофе есть?

– Есть. Но ты такой пить не будешь, – ответил Митник, мысленно прикидывая, кто из почти полутора тысяч френдов этого жизнерадостного идиота слил ему его ай-ди. – Деньги есть?

– Да! – Парень снова заулыбался. – Наличными, как и положено. Никакой электронки.

«Лошара», – думал Митник, глядя, как парень вытаскивает смятые купюры из заднего кармана брюк, и одновременно понимая, этого непуганого дебила не ограбили лишь потому, что никому и в голову прийти не могло, что можно носить деньги вот так, почти не пряча.

– Расправь, – сказал Митник. – Они у тебя как из задницы.

Парень снова смутился, принялся нервно разглаживать купюры, складывая их одну к одной, а Митник, наконец, подвинул гибрид ближе. Стандартная модель, рекомендованная министерством образования. Такие массово поставляли во все средние и высшие учебные заведения страны. У него тоже был такой, когда он учился в школе. Найдя служебный порт, Митник подключил к нему свою таблетку.

– Что тебе на него поставить? – спросил Митник, просматривая содержимое гибрида. По всей видимости, парень изучал менеджмент. Это было совсем не то, что искал Митник, и, запустив копирование файлов, он испытал легкую досаду.

– Я не знаю, – Митника начало раздражать то, как улыбается этот парень, забываясь, – а что можно?

– Все, что угодно, – ответил Митник нарочито безразличным тоном.

– И сеть? – парень вскинул бровь.

– Все, что угодно, – повторил Митник, наблюдая, как медленно копируются файлы на его допотопную таблетку.

– Тогда сеть, – сказал парень и замолчал, явно не в силах придумать что-нибудь еще.

– О'кей, – ответил Митник, начиная установку стандартного пакета программ. Его порадовало, что парень этот оказался великовозрастным оболтусом, жаждущим ограничен-

ных, но не запретных развлечений. Связываться с уголовщиной не хотелось, а лишнее административное нарушение на его счету погоды уже не сделает. Митник расслабился и даже добавил к пакету пару игр из личной коллекции.

– Я возьму себе что-нибудь? – Парню, очевидно, надоело разглядывать через стол, что там делает Митник.

– Сиди, – ответил тот, бросив взгляд на красный глазок камеры над входом, – сразу надо было брать. Теперь не дергайся, пока я не закончу.

Парень кивнул и, вынув из кармана куртки айфон, принялся набирать сообщения. Митник же из-под полуопущенных ресниц изучал своего клиента. Тот действительно походил на студента-первокурсника. Метивший в управленцы высшего звена и уже состоявший в штате одной из корпораций «Нового города» на должности менеджера, он не слишком интересовался учебой, предпочитая унылым лекциям социальные сети. По экрану таблетки бежал лог переписки. Один за другим менялись ники в чате. Всегда замкнутый Митник поразился, как непринужденно этот парень поддерживает беседу с десятками абсолютно разных людей, легко переходя с темы на тему. «Далеко пойдет», – подумал Митник, испытывая смутную досаду. При желании он тоже, наверное, мог бы раскинуть не менее внушительную сеть знакомств, обеспечив себя полезными связями, решившими бы половину проблем в его жизни...

Задумавшись, Митник вздрогнул, когда экран гибрида погас, а из динамика донесся пронзительный сигнал перезагрузки.

– Все? – спросил парень, не поднимая взгляда от экрана айфона.

– Все, – ответил Митник, отсоединяя гибрид от таблетки. – И поставь нормальный файрвол на свою мобилу. – Парень вскинулся удивленно. Невольно перевернул айфон экраном в стол. Митник усмехнулся и, глядя прямо в глаза, добавил: – И не ищи меня больше. Свои контактные данные я из твоей игрушки стер.

Подмигнув вдруг, Митник сгреб со стола неровную пачку купюр и, спрятав их во внутренний карман куртки, встал.

– Бывай, – сказал он на прощание, быстро миновал маленький зал наливайки и по крутой лесенке взбежал наверх, из полуподвала на улицу. Постоял на крыльце немного, раскуривая сигарету и щурясь на яркое весеннее солнце, бьющее прямо в слезящиеся с темноты глаза. Привыкнув к свету, перешел на другую сторону дороги и скрылся в грязном обшарпанном подъезде дома напротив.

Парень вышел буквально через минуту. Постоял, точно так же щурясь на солнце, и побрел к ближайшей остановке общественного транспорта. Митник провожал его два квартала. И хотя у Митника были дела поважней, ему вовсе не улыбалось получить вызов в полицию в связи с делом об ограблении резидента «Нового города». Лишь убедившись, что клиент благополучно погрузился в автобус, следующий из пригорода к центру, Митник позволил себе бросить окурочок, развернуться и побежать – нужно было успеть забрать сестренку из школы.

Он не успел. Терминал контрольно-пропускной системы на входе в школу показывал, что Анька уже ушла домой. Как и положено, в половине первого, хотя на самом деле солнце еще только перевалило за полдень.

– Вырастил хакера на свою голову, – пробормотал Митник, борясь с искушением самому вскрыть терминал, удалить подчищенные сестрою данные. И только страх, что ей влетит по-крупному за прогулы, удержал его от порыва проучить чертовку.

Развернувшись, он побрел замусоренными дворами прочь.

Стаявший буквально за день снег оставил после себя огромные, сверкающие на солнце лужи посреди подсыхающих тротуаров и мокрый, притопленный в грязи мусор на газонах,

разбитых колесами паркующихся на ночь автомобилей. Улицы были пустынные, как и положено в полдень рабочего дня. Митник миновал старую согбенную бабку, металлическим щупом выбиравшую жестяные банки из непролазной грязи. Поставив одну ногу на бордюр, она нагибалась низко, тщетно пытаясь зацепить гладкий, сверкающий на солнце бок. Щуп соскальзывал, но старуха не прекращала попыток.

Митник прибавил шаг, чтобы не слышать за спиной этот унылый металлический скрежет, ставший вдруг для него олицетворением неудач.

Весеннее солнце выбеливало серые, обшарпанные стены домов, окна играли ослепительно яркими бликами, и можно было представить, каким был этот квартал всего двенадцать лет назад, сразу по завершении застройки. Престижный район, носивший красивое имя «Арбат», как бы намекавшее на высокий столичный статус новостроек. Но возведенный с грубыми нарушениями технологий, жилой комплекс «Арбат» стал ловушкой для жильцов, принявших участие в долевым строительстве. Суд с застройщиками затянулся на долгие годы, банки же требовали регулярных выплат по ипотечным кредитам. Детские площадки, засыпанные гравием, так и не обзавелись безопасным покрытием, просторные офисные и торговые помещения на первых этажах домов пестрели яркими растяжками «Сдаю», стены были испещрены граффити. Ультрасовременный комплекс «Новый город», обеспечивший комфортное соседство жилых и рабочих площадей в рамках гигантского конгломерата зданий, окончательно обрушил стоимость жилья в пригороде.

Митник не без труда открыл дверь в подъезд. Сломанный кодовый замок отпирался далеко не сразу. Митник не трогал его, хотя в принципе мог бы легко починить. Но лишнее препятствие на пути кочующих из дома в дом бомжей, он гарантировал некоторую безопасность подъезда. Пройдя мимо неработающего лифта, Митник принялся подниматься на двенадцатый этаж. На восьмом постоял немного, думая о том, что пора бы уже бросить курить. И три квартала бегом по улице, и эти восемь лестничных пролетов дали ему невероятно тяжело. Лифт, застрявший однажды на девятом, источал удушающий, гнилостный запах. Пользуясь полуоткрытыми створками дверей, жильцы выбрасывали туда мусор. Задержав дыхание, Митник быстро взбежал по лестнице и, не сбавляя темпа, поднялся на свой этаж. Прошел длинным темным коридором и открыл дверь квартиры.

– Дмитрий, ты? – прокричала с кухни мать.

– Я, – ответил Митник, снимая тяжелые берцы и куртку. Вынул деньги из кармана и, проходя мимо своей комнаты, спрятал за широкой щелью дверного косяка.

– Ты где шлялся? – мать нарисовалась на пороге кухни. В засаленном банном халате, с волосами, повязанными пестрым шарфом. – Почему опять не забрал сестру из школы?

Никогда не интересовавшаяся Анькиной учебой настолько, чтобы знать расписание дочери, мать и не подозревала, что ребенок систематически прогуливает уроки.

– Не успел, – ответил Митник зло, боком протискиваясь мимо. Его мать, всегда казавшаяся ему изящной и стройной, как-то незаметно потолстела и расплылась за годы фриланса.

Сестра сидела за обеденным столом, вяло ковыряясь вилкой в тарелке. Порошковое пюре, разделившись на фракции, смешалось с соевой подливой и образовало однородную неаппетитную массу. Анька сгребала ее в кучу на край тарелки, а затем, подцепив вилкой соевые бобы, располагала их там вертикально.

– Аня, ну что ты делаешь? – спросила мать, ставя перед севшим за стол Митником его порцию.

– Мягкую конструкцию с вареными бобами, – ответила Анька мрачно, пытаясь поправить завалившийся набок боб.

Мать не поняла шутки. Несмотря на то, что работала она графическим дизайнером, ее познания в классическом искусстве оставляли желать лучшего. Митнику нравилось думать,

что именно поэтому ей и не удалось за все эти годы найти приличное место в преуспевающей конторе, а не пробавляться разовыми заказами мелких предпринимателей и амбициозных стартаперов. Мать никогда не говорила этого вслух, но Митник знал: сперва ее не брали на работу из-за них с Анькой. Потом, когда он получил, наконец, аттестат, было уже слишком поздно: сорокалетняя женщина с дочерью-подростком в глазах работодателей была ничуть не лучше молодой матери с двумя детьми.

– Это кладка чужих, – сказал Митник, спеша скорей перекидать безвкусную комковатую массу в топку. – Свежеотложенные яйца. Через пару недель они станут больше, а потом из них вылупятся маленькие юркие фейсхаггеры. Так что давай, Анька, ешь быстрее. Спаси Землю от инопланетной заразы.

Мать, увлекавшаяся старой фантастикой, хранившая на своем компе терабайты фильмов полувековой давности, замерла, не донеся вилки до рта. После секундного раздумья аккуратно опустила руку, новым взглядом окинув содержимое тарелки.

– Вон из-за стола, – произнесла мать ледяным тоном.

Анька, казалось, растекшаяся по столешнице окончательно, вмиг подобралась и тихо выскользнула вон. Митник, отломив кусочек хлеба, спешно сгребал остатки соевой подливки.

– Оба, – голос матери заledenел еще, и Митник понял, что задерживаться дольше уже нельзя. Поднявшись, поспешил убраться в свою комнату.

Там уже, хрустя яблоком и взобравшись с ногами на диван, расположилась Анька. Несмотря на то, что ей был отведен свой уголок в зале, большую часть времени сестра околачивалась у него, развлекая и мешаясь одновременно.

– Хочешь яблочко? – спросила она, протягивая Митнику крупный, спелый плод.

– Где взяла? – спросил Митник, принимая угощение.

– Купила, – Анька безразлично пожалала плечами, как бы добавляя: «Подумаешь, какие пустяки».

– На какие шиши? – спросил Митник, пряча яблоко в стол. Подавив желание оглянуться на дверь, сел в кресло напротив и уставился выжидательно. Сестра знала о его заначке, но до сих пор ни разу не притронулась к тайнику. Это были деньги, откладываемые на ее учебу. Это она тоже знала.

– Заработала, – ответила Анька с вызовом в голосе, и Митник не стал расспрашивать дальше, боясь обидеть сестру недоверием.

– Молодец, – ответил он, решив, что прояснит происхождение денег позже, по своим собственным каналам. Мать сердито гроыхала посудой на кухне. Поскольку воду в их доме включали лишь на пару часов поздно вечером, а в остальное время она текла из крана тонкой струйкой, шум этот не имел ничего общего с уборкой, а носил скорее манифестационный характер. Мать не умела готовить и знала это, но обижалась всякий раз, когда дети устраивали ей представления, подобные сегодняшнему.

– Почему прогуливаешь уроки? – спросил Митник, продолжая допрос.

– Хочешь, чтобы меня погнали из школы? – она швырнула недогрызенное яблоко на стол. Села, подобрав под себя ноги и скрестив руки на груди. – Хорошо, я останусь в следующий раз. Подготовлю доклад «Второй демографический переход как причина деформации базовых социальных моделей».

Митник слабо понял сказанное, но в словах сестры ему почудилась угроза, и потому он поспешил поскорее свернуть разговор в другое русло. Спросил с надеждой:

– Я учебники принес. По менеджменту. Тебе не надо?

– Мне?! Зачем? – Ему удалось сбить сестру с агрессивного тона. Она вновь потянулась за недоеденным яблоком. – Мне бы что-нибудь по культурологии.

Анька мечтала стать искусствоведом. С учетом финансового положения семьи эта мечта была практически неосуществима. Для поступления в вуз нужно было оплачивать

факультативы, идущие сверх школьной стандартной программы. Образовательный минимум не предполагал углубленного изучения искусства. Двухнедельные дизайнерские курсы – максимум, на что Анька могла рассчитывать по окончании школы. Митник вздохнул. Потерзавшую вдруг шею.

– Возьми денег из заначки, – сказал он. – Оплатишь завтра свой факультатив. Отдашь учителям, с кем у тебя там хорошие отношения? И попросишь, чтоб проплатили как бы за их счет.

– Правда? – она опешила. А потом кинулась обниматься, жарко шепча на ухо: – Димка! Димочка! Я обещаю! Больше никаких прогулов, никогда!

Митник не любил телячьих нежностей и потому отстранился мягко, ссадив ее с колен на подлокотник кресла.

– Ловлю на слове, – сказал он, зная, что ее все равно не хватит надолго.

Потом они оба обернулись на звук открывшейся двери. Мать картинно замерла на пороге. Успев уже переодеться в бриджи и свитер под горло, делавшие ее стройней и моложе, она опиралась одной рукой о косяк, другую уперев в бок.

– Аня, иди в свою комнату, – сказала мать.

– У меня нет своей комнаты, – как бы между прочим уронила Анька, выскальзывая вон.

Мать недовольно поморщилось. Пройдя и закрыла за собой дверь. Стала не спеша присаживаться. Митник понял, что сейчас снова начнутся бесконечные, уже успевшие ему надоеть увещевания. От этой мысли у него внезапно разболелась голова.

– Дмитрий. – Мать, наконец, села на высокий диванный валик. – Где ты ходишь? Чем ты занимаешься? Сегодня приходили из центра занятости, а тебя не было дома. Я не смогла до тебя дозвониться. Мне сказали, у тебя какие-то проблемы с аккаунтом. Они могут приостановить выплату пособия по безработице. Начнутся тяжбы с банком. Мы потеряем квартиру... Дмитрий... Устраивайся на работу. – Она просила его. Это было еще хуже, чем если бы она начала кричать.

– Нет, – ответил Митник. – Мы обсуждали это уже не раз. У нас долг за квартиру. За квартиру, которая не стоит и гроша. И налог на Аньку. Треть моей зарплаты будет уходить в банк, треть я буду тратить на транспорт и перекусы, и на оставшееся ты предлагаешь жить?

– Митя, – она едва не плакала, – зато мы, наконец, развяжемся с долгами!

– Наконец?! – Митник почувствовал, что начинает выходить из себя. – Наконец, это еще минимум десять лет, и то, если мне повезет устроиться на приличную зарплату!

– А если ты заболеешь? – Она сама не заметила, как начала заламывать руки. – У тебя больше нет карточки социального страхования, а так я хотя бы буду уверена, что если, не дай бог, что случится, твое лечение оплатит работодатель.

– Со мной все будет в порядке, – сказал Митник сквозь сцепленные зубы, зная дословно, что услышит в ответ.

– Твой отец тоже говорил так! – Мать поднялась, торжествуя. Еще ни разу ему не удалось ответить на этот ее аргумент.

– Со мной все будет в порядке, – повторил он, также встав. Но мать уже не слушала его.

– Ты совсем не думаешь об Ане. Не забрал ее из школы сегодня. А она одаренная девочка, эта федеральная программа отбивает у нее охоту к учебе. Нам нечем оплачивать факультативы. Если бы ты пошел работать, устроился в «Новый город», банк разрешил бы нам взять кредит...

– Нет! – Митник рывкнул это так, что мать осеклась. Подняла на него затуманенный взгляд и отшатнулась. – Никогда, – он едва сдерживал себя, – никогда не смей даже думать об этом, – несмотря на все усилия как-то контролировать сотрясавшую его ярость, мать, схватившись за сердце, отступила на шаг. – Извини, – с трудом выдавил Митник и, развернувшись, шагнул мимо, распахнул дверь, выйдя в прихожую. Сестра сидела в зале на кресле,

обеими руками обхватив диванную подушку, и смотрела испуганно. Митник опустил взгляд, чтобы она не увидела его лица. Сунул ноги в берцы, принялся шнуровать.

– Куда ты? – Мать снова стала в дверном проеме, опершись одной рукой о косяк, вот только второй она теперь держалась за сердце.

– Никуда, – ответил Митник, продевая руки в рукава куртки.

– Я не пушу. – Мать испугалась чего-то. Загородила проход, распахивая руки. Повторила силным шепотом: – Я не пушу.

Митник мягко отодвинул мать в сторону и шагнул за порог. По лестнице бежал вплоть до первого этажа и, лишь выйдя из подъезда, выдохнул свободно.

В кармане куртки зазвонил телефон. Митник отключил его, не вынимая, и зашагал в сторону трущоб. Туда, куда боялись заглядывать даже полицейские патрули. Расположенный почти в сердце города, утопленный в глубокой балке, район трущоб был практически изолирован от проходящих совсем рядом центральных улиц. Слишком крутой спуск отпугивал автомобилистов, и даже самые отчаянные таксисты не брались возить туда пассажиров. Несмотря на выгодное местоположение, земля там стоила копейки и не была нужна никому. Особенности ландшафта делали невозможным многоэтажное строительство. Отсутствие нормальных дорог делало бессмысленным строительство складов.

Трущобы пугали Митника. Они не были похожи ни на что из того, к чему он привык. Там не было домов выше трех этажей, прямых улиц, скверов, светофоров, остановок общественного транспорта, гипермаркетов, кафе, парковок, детских площадок, уличного освещения... Там были крошечные домики, прячущиеся за высоченными заборами. Узкие, петляющие улочки и нависающие над ними балконы и галереи. Глухие тупики и незаметные подворотни. Тесные дворики, полные полощущимся на ветру бельем. Толпы чумазных детей, носящихся по улицам без присмотра. Митник никогда не видел этих детей в Анькиной школе – единственной государственной школе, оставшейся в их районе. Митник подозревал, что половина обитателей трущоб не имеет ни социальной карты, ни даже собственного ай-ди и живет тут на положении нелегалов.

Прежде чем начать спускаться в этот странный, существующий по своим законам мир, Митник заглянул в полуразрушенный дом, стоявший на границе города и трущоб. Вынул спрятанный в глубоком простенке «Макарыч». Всякий раз, вынимая травматический пистолет, Митник испытывал странное чувство удовлетворения, и хотя ему еще ни разу не пришлось пустить оружие в ход, стаи диких собак, царившие в трущобах, чуяли потенциальную угрозу, предпочитая держаться подальше. Одновременно Митник прекрасно понимал: никакое оружие не защитит его от людей, обитавших там. Он никогда не сунулся бы в трущобы по доброй воле, если бы те не знали его и не принимали как своего.

Спрятав «Макарыч» в кармане куртки, Митник принялся спускаться вниз – по шатким лесенкам, собранным из подручных материалов и ведущим от ворот одного дома к воротам другого. Рядом по так называемой «дороге» медленно плыл селевой поток стаявшего снега, мусора и грязи. Когда кончались самодельные мостки, Митнику приходилось пересекать его, поскольку обходных путей здесь попросту не было.

Митник шел долго, не встретив никого по дороге, но когда он добрался до места, его приходу не удивились. Открыли ворота и придержали цепного пса, пока Митник шел к дому. Одноэтажному каменному строению, возведенному в позапрошлом веке. Этот дом поражал Митника. Его комнаты были просторны, потолки – недосягаемо высоки. Стены внутри украшали массивные металлические кольца. Митник как-то спросил у хозяев, что это, но ответ «коновязь» ничего ему не объяснил.

Его провели на кухню, где уже стояли две кружки горячего дымящегося чая. Митник сел. Обхватив кружку ладонями, понял, что продрог до костей, пробираясь через лужи. В

дверь кухни заглядывали любопытствующие детские головы. Слышался сдавленный смех и громкий, возбужденный шепот.

– Здорово, Митник! – Хозяин появился через минуту. Присел напротив и принялся помешивать чай ложечкой. Та мелодично звенела, и Митник почувствовал, что устал. Мерное позвякивание убаюкивало. Чтобы проснуться, Митник снял руки со стола, выпрямился на табуретке. – Что-то ты рано. Мы ждали тебя в конце месяца. Принес что-нибудь интересное?

– Нет, – ответил Митник, делая глоток. – Учебники по маркетингу, но такого дерьма везде навалом. Я пришел взять заказ. Ты говорил, у тебя есть что-то для меня.

Хозяин прекратил звенеть ложкой. Склонился навстречу, положив ладонь на плечо.

– У тебя проблемы, Митник? Что-то... с семьей?

– Я хочу серьезного дела, – ответил Митник.

Хозяин снял ладонь с плеча. Откинулся на табуретке, опершись о стену.

– Не берись за серьезное дело, Митник, если только действительно не хочешь этого. Если тебе нужны деньги, я могу ссудить в разумных пределах. Без процентов и обязательств, Митник, мы не в банке.

– Нет, – ответил Митник, зная, что этот беспроцентный кредит может стать ему очень дорого. – Я хочу настоящего дела.

Работа затянулась до позднего вечера. Хозяин обрадовался, услышав, что ничто не мешает Митнику приступить к делу немедленно. Работать пришлось с чужой машины. Это было даже хорошо. Ему заплатили тут же. Пачка денег, перекочевавшая в карман Митника, была гораздо внушительнее той, что он заработал утром, но ее все равно не хватило бы ни на погашение долга, ни на оплату всех факультативов за оставшиеся годы учебы сестры.

Он думал об этом, когда шел обратно.

Ночное небо над его головой сияло отраженными огнями города. Лучи прожекторов плясали на низко бегущих тучах. Чуть выше, за гребнем крутого холма, начинался так называемый «Новый город». Конгломерат домов, отелей, парков, госучреждений, представляющий собой по сути одно огромное здание, чьи части, соединенные линиями скоростного трамвая, были закрыты для посещения нерезидентами. Митник работал там сразу по окончании школы. Его не хватило надолго. Низкоквалифицированный труд, штрафные санкции за малейшее нарушение дисциплины и постоянная угроза увольнения не беспокоили Митника. Он умел работать хорошо и хорошо себя контролировал.

Но ежедневно наблюдать бессмысленную трату ресурсов, так необходимых его семье, он не мог. Он влюбился бы в этот город будущего, такой чистый и сверкающий, ультрасовременный и созданный для комфорта, если б не столкнулся сперва с его изнанкой. Митник видел, чем обеспечено изобилие. Продукты лежали на полках до истечения срока годности. Но, даже купив что-то, люди не съедали и половины того, чем был забит их холодильник. Новые вещи приобретались не взамен отслуживших свое, а лишь затем, чтобы их владелец соответствовал неким принятым в этом обществе стандартам. Наверное, Митник мог бы вписаться в этот мир и стать там своим. Он был достаточно умен, чтобы понять, для этого ему не нужно высшее образование, о котором всегда так переживала мать. Он видел, что его знания, даже не подкрепленные вузовской корочкой, ценились высоко, и люди платили назначаемую им цену. Нужно было лишь понять и принять законы этого мира. Подстроиться под него. Стать другим человеком. Бросить семью.

Митник не смог.

За те три месяца, что он проработал в «Новом городе», он почти не видел ни мать, ни Аньку. Ему хватило бы времени на ежедневные поездки домой, в пригород, но его работодатель был недоволен частыми отлучками за периметр «Нового города». Выходные были

заняты корпоративными мероприятиями. Долгие разговоры в скайпе не могли заменить ему живого общения с родными. За время его отсутствия Анька чаще стала прогуливать школу, ее оценки медленно поползли вниз. Митник пытался контролировать ситуацию. Звонил Анькиным учителям, разговаривал с одноклассниками. Он делал это в свободное от работы время. Но когда на очередном корпоративном тренинге психолог мягко предложил ему пересмотреть свои жизненные приоритеты, прозрачно намекнув на возможное продвижение при определенных условиях, Митник написал заявление об уходе по собственному желанию. Он надеялся, ему удастся выкрутиться, продержаться как-то до Анькиного совершеннолетия. Тогда они вместе могли бы помочь матери. До сего дня он твердо верил в это.

Выбравшись из балки, он присел на каменный блок, составлявший когда-то фундамент полуразрушенного дома. Посмотрел с пригорка вниз. Там помаргивали огонечками окна другого мира. Мира, в который Митник готовился окунуться с головой.

Он достал пачку дешевых сигарет, вызывающих рак легких, желудка, гортани и черт его знает, чего еще, и закурил, задумчиво глядя прямо перед собой. Взгляд упирался в противоположный склон балки. Слишком крутой, чтобы хоть один домишко смог прилепиться там. Затемненный, он казался границей, разделявшей играющее яркими огнями «Нового города» небо и сонно помаргивающую землю под его ногами.

Наконец он бросил окурочек и, вынув из кармана куртки пистолет, вновь спрятал его в глубокий простенок. В другом кармане лежал телефон. Митник включил его. Резкая трель, разорвавшая глубокую тишину поздней ночи, заставила его вздрогнуть.

– Да? – спросил он, поднося трубку к уху.

– Митя! – Мать рыдала. – Аня в больнице!

Через час Митник сидел в районном отделении полиции.

Когда ему с трудом удалось пробиться сквозь истерику матери и узнать, наконец, что же случилось с сестрой, чувство вины упало на плечи свинцовым грузом. Анька бросилась его догонять. Мать, рыдавшая на кухне после его ухода, услышала лишь, как хлопнула, закрывшись, входная дверь. Мать метнулась к телефону, но Анька сбросила вызов точно так, как это сделал до нее Митник. Потом был корвалол и тщетные попытки дозвониться хоть до кого-то, томительные часы беспокойного ожидания, звонок с Анькиного телефона и незнакомый женский голос в трубке.

Ее нашли на территории заброшенного завода. Митник ходил туда, когда хотел побыть один. Ее жестоко избили и бросили умирать. Случайный свидетель, бездомная старуха, не побоялась вызвать полицию.

Когда Митник прибыл в участок, чтобы подать заявление, его встретил немолодой уже человек, представившийся адвокатом. Им отвели отдельную комнату.

Мужчина занял стол, разложив на нем какие-то свои бумаги и развернув планшетник. Митник сел на табуретку напротив и вдруг почувствовал себя подследственным.

– Вы, как я понимаю, брат потерпевшей? – Пальцы адвоката порхнули над клавиатурой.

– Да, – ответил Митник.

– Позвольте вашу карту? – Адвокат, не глядя, протянул ладонь, и Митник, встав, вложил в нее документ. Быстро проведя единой электронной картой по окошку считывающего устройства, адвокат вернул ее обратно. Митник спрятал документ во внутренний карман куртки. – Господин Калюжный, – адвокат говорил, не отрывая взгляда от монитора, – прежде чем вы подадите заявление, я хочу предупредить вас, что судебный процесс – это долгое и муторное дело. Я представляю интересы вашей сестры и прежде всего забочусь о ее благополучии. – Все это было произнесено на одном дыхании, ровным, невыразительным тоном. – Ваши шансы невысоки.

– Что? – спросил Митник.

– Да-да, – ответил адвокат, подняв, наконец, взгляд от экрана. – Ваш свидетель не имеет удостоверения личности. Ее могут подкупить или даже запугать, и тогда вы останетесь ни с чем. Впрочем, это не важно. Оставив дочь себе, ваша мать не сумела обеспечить ее безопасность. У вас огромные долги по ипотеке и неуплаченный налог на ребенка. При этом ни вы, ни ваша мать не имеете постоянного места работы, а у вас, как я вижу, еще и проблемы со службой занятости...

Митник сидел молча. В голове не осталось ни одной мысли.

– Я рад, что вы воспринимаете все так спокойно, – продолжил адвокат, внимательно на него посмотрев. – Я предлагаю воспользоваться ситуацией, и пока противная сторона несколько дезориентирована предъявленными обвинениями, предложить им мировую.

– Что? – снова спросил Митник.

– Лечение девочки будет оплачено социальной страховкой, но определенная сумма денег, частная клиника, хороший уход... Все это поможет ей быстрее... – Адвокат запнулся на последнем слове. Потер вдруг переносицу и произнес, не открывая глаз: – Реабилитироваться. Иначе вам придется отдать ее на попечение государства, ваша мать будет лишена родительских прав, и скорее всего вас привлекут к административной ответственности.

Митник молчал.

– Решайте скорее, – адвокат занервничал, принялся перекладывать разложенные по столу бумажки. – Пока инициатива исходит от нас.

– Моя сестра до сих пор не пришла в сознание, – сказал Митник. – И вы хотите, чтобы мы забрали заявление?

– Я сочувствую вам, – быстро ответил адвокат, – и хочу, чтобы девочке была оказана самая квалифицированная медицинская помощь... Как можно скорей, – закончил тот, сделав ударение на последнем слове.

Митник прикрыл глаза. Он помнил государственную больницу, в которой лежал его отец. И никакая социальная страховка не смогла спасти его от смерти. Чтобы произнести следующие слова, ему пришлось совершить над собой усилие.

– Квалифицированное лечение и оплата полной школьной программы.

– Может быть, гарантированное поступление в любой вуз по выбору? – быстро спросил адвокат.

Митник открыл глаза, чтоб убедиться, что над ним не издеваются.

– Нет. – Ответил он после минутного раздумья. – Она поступит сама.

Потом были еще два часа телефонных переговоров, видеоконференция с представителями тех убудков, подписание документов, звонки матери и долгий разговор с ней.

Когда Митник покинул участок, на улице уже занимался рассвет. Еще скрытое стенами домов солнце алыми всполохами играло в окнах верхних этажей. Митник сел на холодные, мокрые ступени и закурил последнюю сигарету из полной еще вчера пачки. В руках его была пухлая подшивка документов. Их электронные копии хранились в депозитарии городского муниципалитета.

В кармане куртки вновь зазвонил телефон.

– Да, – сказал Митник, поднимая трубку.

– Анечка очнулась, – прошептала мать, плача.

– Хорошо, – ответил Митник.

Леонид Каганов Продавец случайных чисел

*Всякий, кто питает слабость к арифметическим методам
получения случайных чисел, грешен вне всяких сомнений.*

Джон фон Нейман

Вечерний воздух дачного поселка казался густым и насыщенным, как кофе. Пахло землей, сыростью, старым деревом, свежим сеном, костром, цветами и настоящим зрелым летом в самом разгаре. Улица Садовая действительно напоминала сад – узкая асфальтовая тропинка под одну машину, где с обеих сторон тянулись нарядные заборы, обсаженные деревьями, а над головой смыкалась их зеленая листва. Вот только коттеджа с номером 11 почему-то не получалось найти. Впереди путь перегораживала куча щебня, над которой темнела чугунная ладонь экскаватора, задранная к небу, словно эта могучая железная машина просила милостыню. Данила растерянно оглянулся, но тут зазвонил смартфон.

– Даня, ты к нам все-таки доедешь сегодня? – послышался бодрый голос Арсения.

– Брожу по вашему поселку уже полчаса. Дошел до экскаватора.

– Ого! Разворачивайся и... Хотя нет, стой у экскаватора, я сам сейчас выйду!

Арсений появился через пару минут, издали раскрывая руки для объятия. За эти годы он сильно изменился – чуть располнел и обзавелся узенькой бородкой. Но это по-прежнему был тот самый весельчак Сеня по кличке Комп.

– Даня, а ты не изменился! – воскликнул Арсений, хлопая друга по спине. – Только еще более худой стал. Но мужественный! А глаза уставшие. Долго ехал-то? Мы тебя с полудня ждем, Верочка гуся испекла, все остывает.

– Верочка?

– Жена моя, – объяснил Арсений. – Мы уже пять лет в браке.

– Ну ты даешь, – удивился Данила. – Прямо как в старину, вдвоем год за годом? Я думал, браки уже не регистрируют.

– А мы на Кипре регистрировались, – улыбнулся Арсений.

– Ну, поздравляю... – кивнул Данила. – Что ж не предупредил, я бы цветов купил для приличия...

Арсений не успел ответить, как Данила рванулся к ближайшему забору, присел, про-сунул руку между планками и выдернул с чужого участка большую белую хризантему.

– Для Верочки! – твердо сказал Данила, обрывая корневище.

– Ну ты как всегда, сумасшедший искатель приключений, – выдохнул Арсений и покрутил пальцем у виска. – Это дача генерала Максимова! Вся в камерах наблюдения! Вот только мне кражи цветов не хватало... Он у нас сумасшедший, даже на Верочку в суд подавал.

– За что? – изумился Данила.

– За рояль. Он его называет «шум».

– У тебя Верочка тоже музыкант?

– Конечно, – кивнул Арсений. – А вот мы и пришли.

Он приложил к калитке магнитный ключ, и замок щелкнул. Данила замер, разглядывая резную деревянную табличку на калитке: «Unter den Linden, Musikersdorf, Blumen Straße 11».

– На немецком, – пояснил Арсений. – Цветочная 11, Музпоселок, Подлипки. Знакомый вырезал, для красоты.

За калиткой открылась сырая роща из кустов сирени, яблонь и рябины. В сумерках среди листвы мерцали садовые фонарики, а с ветки на ветку с жужжанием перелетали красные огоньки – электрические воробьи ловили комаров. Здесь пахло еще ярче: цветами, росой

и свежескошенной травой. Друзья сделали пару шагов по дорожке, и деревья расступились. За ними открылась аккуратная лужайка с шезлонгами и фуршетным столиком. Уютно светился добротный каменный коттедж, а перед ним в самом центре лужайки стоял огромный дуб – выше дома, выше яблонь и рябины. В распахнутых окнах второго этажа колыхалась старомодная тюлевая занавеска, и оттуда тихо плыли звуки рояля – Данила мог поклясться, что это не синтезатор и не пианино, а настоящий старинный рояль.

– Нравится? – спросил Арсений, наслаждаясь эффектом.

Рояль смолк, и вскоре на крыльцо вышла миловидная девушка – чуть полноватая, глазастенькая, с немного нескладной фигуркой и птичьим лицом.

– Верочка, знакомься: вот это и есть Данила Винокуров, мой старинный друг и одногруппник.

– Вера, – просто улыбнулась она. – А мы вас ждем!

Данила церемонно шаркнул ботинком по гравию, наклонился, бережно взял ее ладонь и поцеловал. А затем вручил свою хризантему, которую прятал все это время за спиной. Верочка просияла.

– Сеня, в доме будем ужинать или я во дворе накрою? – деловито спросила она мужа.

– Во дворе, конечно, – кивнул Арсений. – Такая погода! А дом гостю еще показать успеем. Ты же сегодня у нас останешься, домой не поедешь?

– Могу остаться... – пожал плечами Данила. – Могу домой пойти. Мой дом в двух шагах стоит.

Остатки гуся серебрились на блюде и выглядели уже не так аппетитно. Арсений успел в лицах рассказать, как они с Верочкой познакомились в самолете – как он догадался, что она тоже музыкант. И хотя история была довольно обычной, Арсений очень смешно изображал незнакомку в соседнем кресле, которая принялась на взлете машинально отстукивать пальцами по подлокотнику «Полет валькирий» Вагнера, и как он опознал ритм, принялся ей дирижировать, и как они потом смеялись. Было ясно, что эту историю он рассказывает не первый раз. Данила лежал в шезлонге, смотрел, прищурясь, через стекло бокала на фонарь, бьющий откуда-то сверху через ветви дуба, и впервые за много лет чувствовал себя по-настоящему дома.

– А почему у тебя табличка на немецком? – спросил он. – Из-за нее я мимо прошел.

– У нас как-то гостил мой учитель, скрипач-немец, – объяснила Верочка с улыбкой, – он увлекается резьбой по дереву.

– Скрипач? – изумился Данила. – И руки ему не жалко портить?

Арсений пожал плечами:

– Руки портятся только без работы. Мой прадед на этом самом участке и лопатой махал, и дрова пилил, и деревья сажал. Видишь дуб столетний? Это его дуб. Он посадил.

– Прадед твой тоже музыкант? – спросил Данила. И удивился внезапно наступившей паузе.

Верочка обернулась. Арсений тоже посмотрел недоверчиво.

– Вообще-то, – тактично заметила Верочка, – Герасим Васильевич Никосовский. Автор «Морской сонаты» и «Олимпийского марша».

Данила замер.

– Так это твой прадед?! – воскликнул он. – Композитор Никосовский?

– А вы, Данила, думали, они просто однофамильцы? – засмеялась Верочка.

– Но... – Данила растерялся. – Так мне сам Арсений сказал еще на первом курсе!

Арсений улыбался во всю физиономию.

– Сенечка у нас скромный, – объяснила Вера. – Или веселый.

– А что ж таблички памятной нет? – спохватился Данила. – Вот же идея для таблички на калитку: «В этом доме жил и работал выдающийся советский композитор Герасим Никосовский»!

– Нет, – Арсений серьезно помотал головой. – Работал он не здесь. И никакого дома тогда еще не было – был сарайчик с лопатами, деревянный сортир и теплицы. Дед здесь огурцы сажал. Обожал в земле возиться, он же из крестьян родом.

Все уважительно помолчали.

– Слушай, а про наших ты что-нибудь знаешь? – спросил Данила.

– Не много, – откликнулся Арсений. – Я ведь и тебя-то случайно нашел – увидел фамилию в сетях и решил написать, вдруг и впрямь ты. А ты легок на подъем оказался – взял и приехал в гости.

– Я вообще легок стал, – улыбнулся Данила. – Работа такая. Так, значит, ни с кем из наших не общаешься? Жаль. Хороший курс был у нас.

– Про некоторых знаю, – кивнул Арсений. – Ленку помнишь? Сейчас она где-то в Австралии, танцевальные фестивали организует. Кулебякин музыку бросил, он теперь фермер. Арбузы выращивает, у него бахча в Краснодаре.

– Митька Кулебякин? Фермер в Краснодаре? – изумился Данила. – Обалдеть! Кому нужны выращенные арбузы, если сейчас все из синтезаторов идет?

Арсений пожал плечами.

– Ну, в синтезатор надо сперва образец положить, – резонно заметил он, – а потом уж дублируй, сколько хочешь. Вот он эти эталонные арбузы каждый год и выращивает.

– Обалдеть, – повторил Данила. – Чушь какая-то. Арбузы. Краснодар. Вот уж не предполагал, что Митька музыку забросит. Он же бредил музыкой, чуть ли не спал на клавишах!

Арсений вздохнул и поморщился.

– Там не так просто, – объяснил он неохотно. – Митька руку потерял... Ну, не всю руку – большой палец. Арбузы выращивать не мешает, а вот для пианиста, сам понимаешь...

– Как же это?! – расстроился Данила. – Почему? Что случилось?

– Да... – Арсений снова поморщился. – Там совсем глупая история. Он на море поехал, в Тунис. И там руку поцарапал ракушкой. Чем-то перевязал, пластырем заклеил, забыл... Короче, когда вернулся в Москву, уже заражение крови шло. Ну и палец ампутировали.

– Надо же... – только и вымолвил Данила. – Я думал, в наш век такого быть не может.

– Я же говорю, дурацкая история, – согласился Арсений. – Он сам поверить не мог.

– Врачи идиоты! – с чувством произнес Данила. – Неужели нельзя было сохранить руку?

Арсений пожал плечами:

– Они жизнь сохранили... – Помолчал и неохотно продолжил: – А Михальчук Валерка – совсем спился. Где-то под Серпуховом в бараках живет, я боюсь к нему ехать, если честно... Аркадия – два года назад хоронили. Отыграл концерт, и вдруг сердце. А вот Зондер у нас теперь строитель. Удивлен?

– Не очень. Он ведь и так с третьего курса ушел. Что, реально на стройке работает?

– Почти. У него своя строительная фирма – домики собирают. Материал копеечный, из синтезатора, но качественно поставить дом – это толковая бригада нужна. Вот они и ставят. Зарабатывает прекрасно, на «Гринвере» ездит, с турбинами.

– Выходит, в музыке из наших совсем никто не остался? – подытожил Данила.

– Илюха Козлов остался – в каких-то клубах играет на бас-гитаре. И еще Перепелкина – директор консерватории в Рязани. Хотя сама не играет. Вот вроде и все. – Арсений повернулся в шезлонге: – Кстати, вот Верочка преподает студентам три раза в неделю. Так что тоже, считай, по специальности. Хотя она не у нас училась, в Германии.

– Ну а ты-то сам? – спросил Данила.

За него ответила Вера.

– Сенечка у нас музыку сочиняет! – сообщила она с гордостью.

– Вера у нас считает музыкой ерундовые аранжировки, темы к сериалам и рекламные джинглы... – отшутился Арсений.

– Нет, правда? – оживился Данила. – Сочиняешь музыку? И за это сегодня платят?

– Платят, – кивнул Арсений, – даже неплохо. Вот только заказывают редко. Но нам много и не надо, верно?

– Сенечка не просто музыкант, а талантливый композитор, – сообщила Вера.

– Ну я-то в курсе, – улыбнулся Данила. – У него кличка в училище была – Комп. Композитор.

Арсений хохотнул и указал пальцем на Данилу, повернувшись к Верочке:

– А Даньку мы называли Старателем. Был самый старательный на курсе – если чего захотел, горы свернет, а добьется! Ну ладно, рассказывай теперь, как сам живешь?

Данила вздохнул и снова посмотрел на фонарь, только уже через пустой бокал.

– Как все живу. Город, суета, разьезды.

– Вы один живете? – спросила Верочка.

– Почему один? Как все. Заходишь в сеть встреч-знакомств, выбираешь партнершу на вечер.

– А если она вам не понравится? – удивилась Верочка.

– Утром зайду в сеть, поставлю оценку – ноль из пяти. – Данила пожал плечами. – Но так редко бывает, чтоб не понравилось. Сейчас хорошие алгоритмы учета предпочтений. Просто ставишь оценку, и тебе выпадет новый список: «оценившим этого человека также понравились...» – и выбирай пару на следующий вечер.

– Я бы так не смогла... – вздохнула Верочка.

– Но так все живут, – возразил Данила. – Это интересно и удобно.

Арсений схватил с блюдца виноградину, подкинул ее и ловко поймал ртом. Верочка засмеялась.

– Ну ладно, – сказал Арсений, – что мы все о бабах да мужиках. Сам-то чем занимаешься?

– Не музыкой... – покачал головой Данила. – Совсем не музыкой. Это долгая история, но интересная...

– Так мы никуда не торопимся! – уверил Арсений и потер руки. – Верочка, а у нас еще вино осталось? Налей гостю.

Данила устроился поудобнее в шезлонге и начал рассказ. Он рассказал, как собрал группу, как записали альбом. Как распалась группа и начал выступать по клубам один. Рассказал с некоторым стеснением, как устроился играть в ресторан – обычно он рассказывал об этом легко, но перед Арсением почему-то было стыдно. Рассказал, как подружился там с бандитами, хотя поначалу не знал, кто они. Как ввязался в биржевые игры, проигрался и попал в долги. Как прятался полгода, а его искали. И как отделался чудом благодаря юристу Филу – удивительному проныре. Арсений слушал, не перебивая, только сочувственно качал головой.

– Данила, – произнес он, наконец, – если тебе вдруг нужна какая-то помощь или деньги... Или жить негде... Тебе, надеюсь, квартиру продать не пришлось?

– Пришлось, – кивнул Данила. – Но это уже совсем другая история – я ее продал ради новой профессии.

– И где же ты живешь?

Данила хитро улыбнулся.

– Я бомж, – сказал он. – Нигде не живу, брожу по свету последние десять лет.

Верочка тихо всплеснула руками.

– Шучу, – объяснил Данила, наслаждаясь эффектом. – У меня все в порядке. У меня обалденный трейлер – дом на колесах, амфибия на воздушной подушке. Продал квартиру, купил трейлер и оборудование. Живу и катаюсь по всему миру.

– Ты и сюда на нем приехал? – недоверчиво спросил Арсений.

Данила кивнул:

– Пришлось оставить за воротами поселка – они у вас низкие, а у меня антенный комплекс на крыше. Сворачивать его – долгая история.

– Антенный кто? – переспросил Арсений.

– Комплекс. У меня профессия такая – я искатель. Ищу случайные числа. Слышал про такое?

Арсений от удивления сел в шезлонг, с изумлением разглядывая Данилу.

– Так ты из этих? Которые проводками в землю тычут?

Данила фыркнул.

– Как тебе не стыдно? Ты прямо как неграмотный. Знаешь вообще, что такое случайные числа и зачем они?

– Для синтезаторов вроде, – подсказала Верочка.

– Именно! Для синтеза материи нужны потоки чистейших случайных чисел. И это сегодня – самая большая проблема. Потому что они нужны в количестве, сравнимом с числом атомов каждого изделия. А в таком количестве их взять просто неоткуда. И хороший поток стоит нереальных денег!

– Смотри, как наш гость-то оживился! – улыбнулась Верочка. – И уже не грустный! И уже не тощий! Глаза горят...

– А вот я никогда не понимал, в чем проблема, – Арсений пожал плечами. – Они же случайные числа! Бери с потолка!

Данила азартно потер ладони и хищно улыбнулся.

– Уверен? О'кей. Придумай мне десять случайных чисел?

– Да пожалуйста: десять, двенадцать, сто...

– Уже плохо, – заметил Данила. – Все четные. И возрастают. Ну, продолжай...

– Да сколько угодно! Семь! Три! Сто! Э-э-э... Тридцать пять! Э-э-э... Два! Сто два! Э-э-э... Ну, тридцать один... Э-э-э... Сейчас...

Данила наблюдал с улыбкой.

– Ты уже понял, да? – спросил он, наслаждаясь эффектом. – А чисел нужно не десять, не сто и не миллиард – а столько, сколько атомов в арбузе. Или в этой бутылке вина. Или в оконном стеклопакете. А если поток будет грязным, ограниченным, повторяющимся – то появится муар. По-русски говоря – атомная рябь.

– Как это?

– Объясню на примере. Один из методов оценки чистоты потока – засеивание. Ты берешь случайные числа, кладешь их рядами на экране в виде точек своей яркости и так засеиваешь весь экран. И смотришь. Если поток идеально чистый, то экран будет казаться гладким и серым, какие бы там разношерстные точки ни стояли рядом. А вот если поток грязный... то будут заметны пятна, полосы, черточки, рябь – грязь, одним словом. И когда такой грязный поток идет в атомный синтезатор, то в получившемся продукте может оказаться что угодно: от вкраплений атомов свинца до радиации. Арбуз выйдет несъедобным, а бутылка треснет от внутренних натяжений.

– Да ты физик! – с уважением произнес Арсений.

– Пришлось кое-чего почитать, – согласился Данила. – Короче говоря, ни мозг, ни математическая формула, ни вихрь Мерсенна, ни щелчки от датчиков распада изотопа – ничто тебе по-настоящему чистый поток не даст. Если речь о промышленных объемах, понятное

дело. Потому что любые генераторы случайных чисел зажаты факторами, и из этих факторов не выпрыгнешь. «Э-э-э, ну еще раз тридцать пять...» – передразнил он.

– Да ты еще и математик! – изумился Арсений.

– Да нет же! – отмахнулся Данила и встал. – Какой из меня математик? Просто читал статьи, общался с искателями, нахватался терминов. Собственно, я тебе уже всю теорию рассказал. Ничего больше искателю знать не надо.

Он подошел к столику, налил себе еще вина, затем Арсению, затем растерянно оглянулся в поисках бокала для Верочки.

– Я алкоголь сейчас не пью, – ответила она.

Арсений профессионально покачал бокал и принялся разглядывать на просвет густые винные дорожки, ползущие по стеклу.

– А я-то думаю, из чего они такое хорошее вино делают за копейки в синтезаторах? – спросил он задумчиво. – Оказывается, потоки... Но я все равно не понял: что же вы ищете, когда втыкаете в землю свои штырьки?

Данила снова стал серьезен.

– Грубо говоря, мы ищем шум. Потому что случайность взять больше неоткуда, кроме как из самого разного окружающего шума. Берем любые шумы, какие только можно найти в природе. Шум в эфире, магнитные колебания от порыва ветра, излучение ядра Земли, реликтовый шум Галактики – из всего можно вытрясти поток случайных чисел.

– Так в чем проблема?

– В том, что эти потоки все грязные.

– Объясни, – попросил Арсений.

– Ну... – Данила задумался. – Чтоб тебе, как музыканту, было понятней: они все ритмичные. Как будто вся Вселенная – гигантский оркестр с дирижером. Понимаешь? Мы-то всегда думали, что вокруг хаос и энтропия. А когда появился атомный синтезатор, понадобилось набрать полные пригоршни этого хаоса. Пригляделись, и оказалось, что хаоса вокруг не очень-то и много.

– Но ведь это шум... – произнесла Верочка.

– Если бы... – Данила грустно покачал головой. – Шум – это когда ты не чувствуешь мелодии, потому что она такая сложная, что не может уместиться в твоей голове. Может быть, чтобы услышать эту музыку, нужно быть размером со Вселенную. Просто представь, что тебе показали три числа, допустим 73, 144 и 59. И тебе никак не дано узнать – это три совсем случайных числа или крошечный кусок какой-то математической функции. Или список цен на комплект дизайнерской одежды: ботинки, штаны, куртка. И в итоге выясняется, тебе просто показали твое собственное давление и пульс. И значит, эти числа вовсе не случайные, а зависят от возраста, погоды, от количества приседаний в фитнес-клубе или от курса твоих акций, который ты услышал секунду назад. Понимаешь? Мы слышим так мало нот, что просто не можем понять, из какой они симфонии. Но когда ты начинаешь работать с миллиардами, триллионами, квантиллионами случайных чисел, полученных от самых разных, вроде бы, случайных шумов, то ты начинаешь понимать, что где-то за кулисами есть Дирижер, или Композитор, или что-то типа того. Понимаешь? И это даже не про религию. Это – вообще. Просто выясняется, что у любых шумов все равно общие гармониками – что на Земле, что под землей, что в космосе. Ты думал, это был случайный порыв ветра и скрип дуба, а это вполне закономерное движение воздуха, которым дирижируют облака и приливы, а ими дирижируют вспышки на Солнце, а те подчиняются галактическим гравитационным ударам, и все это – одна бесконечная, сложнейшая, но безумно гармоничная песня, которая звучит от Большого взрыва до наших дней...

Данила умолк. Арсений и Верочка теперь глядели на него с нескрываемым уважением.

– Как вкусно ты излагаешь! – с восторгом сказал Арсений.

Верочка задумчиво поежилась и плотнее укуталась в свой плед.

– А ведь как странно получается... – произнесла она медленно. – Выходит, человечество думало, что преобразует окружающий хаос и создает гармонию. А как докатились до синтеза материи – нам самим понадобился хаос. Стали искать его вокруг – а во Вселенной гармония. Так, может, это мы хаос создаем?

– Ага, – подхватил Арсений, – нам кажется, что мы творцы и сочинили собственную музыку, а на самом деле мы просто фальшивая скрипка, которая возомнила, будто придумала собственную ноту и принялась играть не в такт с общим оркестром. Так выходит?

Данила кивнул.

– Я сам часто об этом думаю. Это очень большая философия – случайные числа.

– Мистика, – уточнил Арсений.

Данила усмехнулся.

– Нет, дружище, философия. А мистика – это другое. Это когда ты стоишь в чистом поле и замечаешь, что в этой точке прет поток в сто раз чище, чем на том же поле, но в двух шагах в сторону... Вот тут начинается мистика и истерика! Потому что объяснения никакого нет. Понимаешь? Ты поехал к Ниагарскому водопаду, сделал замеры – а там ноль. Встал посреди Москвы в парке Горького – ноль. Шел месяц пешком по глухой тайге – ноль. На пляжах Юкатана – ноль. А потом какой-нибудь искатель Стив Бол – слышал про такого, нет? Да слышал, конечно, – он в пустыне посреди Соединенных Штатов съезжает с трассы на бензоколонку, та оказывается заброшенной, но он просто ради интереса делает замер – и эта крошечная точка планеты сегодня дает девять процентов всей генерации, добываемой в мире! Девять процентов денег! – Данила вскинул вверх руки, глаза его горели. – Ну вот как это, скажи? Как такое может быть? Как этот Бол – очкарик! сопляк! недоучившийся студент! клоун с дешевым измерителем за триста долларов, которым вообще ничего толкового не намеришь! – и он теперь возглавляет список самых богатых людей планеты?

– Там, наверно, старое индейское кладбище, под этой бензоколонкой, – пошутил Арсений.

Но Данила был серьезен.

– Зря иронизируешь, – сказал он. – Там ничего такого нет. Это мистика, понимаешь? Если законы физики не дают ответа, люди становятся мистиками. Тебе бы послушать рассказы бывалых искателей – столько легенд, примет и суеверий, что религия отдыхает. У нас есть один сумасшедший математик, который говорит, что вывел закон сохранения энтропии, из которого следует, что энтропия – это материя Бога, а места потоков – обиталище душ.

– Я разве не так сказал? – снова усмехнулся Арсений. – Индейское кладбище.

– Да нет же! – Данила с досадой рубанул воздух левой ладонью. – Знаешь, сколько я кладбищ объездил? Индейских, еврейских, древнеегипетских – от Ваганьково до Пер-Лашеза, от Освенцима до Хиросимы, обелиски и братские могилы времен Второй мировой... Там везде ноль!

Арсений смешно надул щеки и развел руками.

– Но согласись, – примиряюще сказал он, – это же случайные числа. Если бы месторождения случайных чисел возникали не случайным образом... это было бы нелогично, да?

Данила вздохнул и ничего не ответил.

– А что он сделал с той бензоколонкой? – спросила вдруг Верочка. – Ну, тот студент?

– Что? – очнулся Данила. – С бензоколонкой? Выкупил кусок земли двадцать на двадцать метров. Поставили ангар с охраной и колючей проволокой. Внутри смонтировали генераторы, к ним подключили штук сто кабелей оптоволоконных толщиной в ногу – и продают поток на все заводы мира. Фотки есть в сети. И ведь прикинь, ему ничего делать не надо – поток сам прет из земли, а парень – самый богатый человек планеты! И так может

любой! Понимаешь? Не надо быть математиком! Ты, я, Верочка – каждый может продать квартиру, купить трейлер и хорошее оборудование и искать свой поток!

Снова наступила тишина.

– Так ты нашел? – спросил наконец Арсений.

Данила досадно поморщился.

– Так, по мелочам... Одну точку в Крыму мы нашли на двоих с парнем... Ну и под Красноярском, в горах, у меня есть своя маленькая... Но тухлая, туда даже кабель тянуть нерентабельно. Так что я в основном с лендлордов зарабатываю. Сейчас модно стало вызывать искателя померить свои земли. А у меня сертификат, профессиональное оборудование, все дела.

– Я бы так жить не смогла, наверно, – призналась Верочка. – Без дома, всю жизнь в фургончике, ужас...

– Почему? – повернулся к ней Арсений. – Наверно, тоже интересное дело. Слушай, Данила, а у тебя этот приборчик с собой?

– Конечно, если к машине сходить...

– Сходим завтра, покажешь, как это? – предложил Арсений.

– Ты прикалываешься или тебе правда интересно? – насторожился Данила. – Да я хоть сейчас сбегая принесу! Это реально такой азарт, ты не представляешь!

Данила привычно расчехлил кофр и выложил на лужайку сперва зонд, затем провода, затем сам вычислительный модуль с дисплеем.

– Солидно, – констатировал Арсений, ощупывая толстый провод, словно змеящийся в пальцах. – Я думал, это махонький приборчик.

– Это ты большие не видел! – усмехнулся Данила.

– Розетка вам нужна? – деловито спросила Верочка.

– Какая, к черту, розетка, это ж полевой модуль, у него свое питание. – Данила похлопал по кофру. – Самая мощная портативная модель. По крайней мере, пять лет назад была, сейчас уже помощнее есть.

– А в чем разница? – спросил Арсений.

– Долго объяснять, – отмахнулся Данила. – Там внутри процессоры специализированные, очень много и очень мощные. Ну и качество измерителей. Грубо говоря, дешевый прибор сработает только если в самый центр попал, плюс-минус пять метров. А дорогая аппаратура сможет и за пятьдесят метров учуять.

Данила аккуратно вонзил зонд глубоко в почву – теперь эта штука со своей рукояткой напоминала комара, качающегося на изогнутом жале. Он подсоединил провода к модулю, и экран тихо засветился. На нем замелькали вереницы цифр.

– Ну? – лукаво спросил Арсений. – Есть чего?

– Погоди минутку, торопыга, – отмахнулся Данила. – Только давай договоримся сразу: не расстраиваться, о'кей?

– О, я буду рыдать! – хохотнул Арсений. – Буду рвать на себе бороду!

Данила поманил его рукой:

– Смотри сюда, я расскажу. Наверху экрана ничего интересного – параметры потока, зависят от модели зонда. Вот мелькает вектор энтропии, по нему ничего не определишь. У потока много критериев чистоты, но методов оценки еще больше. Сначала смотрим сюда: хи-квадрат Пирсона, а ниже критерий Кохрена.

– Какого хрена? – пошутил Арсений.

Данила обернулся с обидой.

– Джон Кохрен – древний математик, не смешно. Далее: вот эта жирная полоска очень важна, называется Диехард-Марсалья: если она хоть чуть позеленеет – это победа. На таб-

лицы не смотри совсем, я сам не знаю, что это. Диаграммы цветные – тоже не помню, как называются, плюем на них. Квадратик сбоку – засев, я о нем рассказывал, но смысла в нем мало, там ничего простым глазом не разглядишь. А вот по центру нарисован большой спидометр со стрелкой, видишь? Это общая оценка, она – точнее всего. Если стрелка не лежит бревном на нуле, а начнет подпрыгивать... – Данила осекся. – Так, а где стрелка-то? – Он уставился в экран и остолбенел.

Арсений вежливо потряс его за плечо.

– Ты в порядке?

Данила не отвечал. Арсений склонился над дисплеем и вдруг увидел стрелку. Она лежала бревном, но только не на нуле, а в противоположном конце шкалы. Раздался мелодичный перезвон, бег цифр на экране замер, и теперь ярко мигала жирная зеленая полоса. Послышалось жужжание, аппарат выплюнул белый листок-распечатку.

– Похоже, машина глючит, – произнес Данила странным тоном.

Он аккуратно отсоединил провод и достал из кофра другой. Затем подумал, порылся в кофре и достал другой зонд, новенький – разорвал зубами полиэтиленовую упаковку и со щелчком расправил. Отошел на два метра и вонзил у самого столика. Затем посмотрел вверх, прошептал что-то, стыдливо перекрестился и нажал кнопку.

Арсений почтительно встал на шаг позади. Тихо подошла Верочка и обняла Арсения за плечи. Все глядели на экран. В этот раз стрелка спидометра не лежала на другом конце шкалы, а плясала посередине, хаотично раскачиваясь вправо-влево, как одинокая береза на ветру. Данила обернулся и посмотрел на Арсения. Глаза у Данилы были совершенно круглые.

– – неуклюже и беспомощно выругался он. – Это даже не бензоколонка в Аризоне. Это вообще что-то нереальное! Причем, в самую точку попали, видишь, чуть в сторону – уже поток стихает, но все равно адская сила! Слушай, да мы с тобой дико богаты, Сеня! Ты понимаешь?!

Верочка отшатнулась. Данила вскочил, обнял друга и стал трясти его за плечи:

– Это нереальное бабло! Ты будешь жить на собственном острове! Во дворце!

Арсений недоверчиво кашлянул. Наступила тишина.

– Я не смогу с острова ездить преподавать, – сказала Верочка.

– К черту преподавать! – обернулся Данила. – Они сами будут к тебе ездить преподавать!

– Кто? – тихо спросила Верочка.

Данила перевел взгляд на Арсения. Тот аккуратно отцепил руки Данилы от своей жилетки.

– Давай подумаем, как нам теперь с этим жить. Он будет толстый, этот кабель? – Арсений скептически оглядел пяточок между домом и дубом.

Данила покачал головой.

– Дуб убирается, дом убирается, – сообщил он деловито. – Генераторы сейчас делают компактные, но участок это займет полностью. Как, говоришь, звать твоего соседа-генерала? Я позвоню юристу Филу, разработаем с ним план, как у него отжать участок, соседние на всякий случай тоже имеет смысл скупить, вдруг и туда добывает...

– Все! Стоп! – Арсений поднял руку. – Ты, Данила, парень азартный, но не пори горячку, ладно? Что значит, дом убирается? А жить нам где?

Данила изумленно посмотрел на него.

– Ты построишь себе хоть башню в Кремле, – сказал он серьезно. – Что тебе этот двухэтажный курятник?

– Так это мой дом, я здесь вырос!

– Лучшие строители мира тебе его перевезут на другой участок, не разбирая!

– Хорошо, а дуб?

– купишь все дубы мира, какие понравятся!

Арсений покачал головой.

– Это моя фамильная дача, – сказал он. – Здесь жили все мои предки. Этот дуб сажал мой прадед, великий композитор.

Данила его не слушал. Он перенес кофр в темноту к забору, а вскоре поволок в другой конец участка, хрустя ветками сирени. Толстые петли провода волочились по земле.

– Ну вот, – слышался его бодрый голос из-за угла дома, – генерала можно не беспокоить: там полнейший ноль. Уверен, что и у соседей справа... Да! И у них ноль! Ты не представляешь, Арсений, какой ты везунчик!

Данила вернулся и вонзил свой электрод рядом с первым. Стрелка на экране ожила и проползла по кругу до конца шкалы, а под шкалой загорелось: 98%.

Верочка зябко поежилась и испуганно посмотрела на мужа. Арсений решительно выдернул оба электрода и вручил их Даниле.

– Мы поигрались, и хватит, – сказал он. – Пора сворачивать приборы.

– А я не играл, – возразил Данила, вытирая об штаны руки, испачканные в земле. – Я делал тебе настоящий замер. И он дал настоящий результат!

– Спасибо, я оплачу твой выезд, – сухо сказал Арсений. – Но нашей семье это не надо, понимаешь?

Данила нахмурился.

– Что значит – не надо? – не понял он. – Вам не надо денег? Уже миллиардеры, что ли?

– Сядь, пожалуйста, я тебе одну вещь расскажу. – Арсений мягко указал на шезлонг. – Знаешь... я ему скажу, ладно, дорогая? Мы с Верочкой ждем ребенка.

Данила опешил.

– Живого? В собственном животе? – он покосился на Верочку и только сейчас понял, что ему казалось нескладным в ее фигуре. – Ну вы даете! Мало того, что живете друг с другом столько лет, мало того, что вам понадобился свой живой ребенок, так вы его и сами рожать будете? А почему не сдать гены в инкубатор на выращивание? Если в Китае заказывать – там это сейчас вообще копейки стоит, я слышал...

– В общем, у нас будет ребенок, – сухо повторил Арсений.

– Ну... прекрасно. Тем более! Ему не нужны деньги? – Данила заглянул другу в глаза. – Ты, по-моему, не осознал: это нереально мощный источник! Это нереальные деньги!

Арсений глубоко вздохнул.

– Данила, зачем тебе нереальные деньги? – спросил он. – Тебе нужны деньги? Я тебе дам денег, у меня отложено немного. Хочешь? Мы, слава богу, живем в эру синтезаторов. Еда бесплатна. Лекарства бесплатны. Одежда бесплатна. Телекиноигры бесплатны. Даже машину можно бесплатно получить раз в пять лет. Девяносто процентов людей Земли вообще не работают! Смотрят игру, жрут пиво с чипсами, подбирают на ночь пару через сети встреч и прекрасно обходятся без денег!

Данила агрессивно вскинулся.

– Тебе нравится муниципальная гадость? А ты сам жрешь бесплатную еду из уличного автомата?

– Не буду врать, что пробовал весь ассортимент, – спокойно возразил Арсений. – Но, допустим, ланчпак по-китайски люблю. Чем плохо? Сто лет назад за такой едой очереди в кафе выстраивались по пятницам. А двести лет назад – и у королей такой еды не было.

– А я только бесплатную еду и жру год за годом! И одежда на мне, – Данила дернул себя за воротник так, что слышался треск, – тоже из бесплатного магазина!

– Ну купи себе в дизайнерском магазине майку, копейки же! Я еще понимаю, ты бы сказал, что тебе дом нужен. Да ведь тоже не проблема: стройматериалы сейчас дешевые,

позвоним Зондеру, а я тебе подкину заказ по музыке, возьмешь кредит, годик-другой покрутишься, будет дом...

– Сеня! – Данила повысил голос. – Ты с ума сошел? Нас с тобой ждут миллиарды! Нам больше никогда не придется ничего делать! Хочешь – сиди, музицируй, хочешь – путешествуй!

Арсений пожал плечами:

– А нам и так ничего делать не надо. Я музицирую, ты – путешествуешь... – Он поймал его взгляд и вдруг тоже стал серьезен: – Послушай внимательно, Данила, один раз. Ты – человек риска, а я – человек спокойствия. Ты... – Он тщательно подбирал слова, – получаешь кайф от азарта. А я – от уюта. Ты бредишь выигрышем, ты живешь не здесь с нами, а в будущем, которое сам себе выдумал. А я живу здесь, я люблю саму игру. Ты надеешься, что будет лучше, а я беспокоюсь, что станет хуже. Огромные деньги – это огромные проблемы. Зачем они мне? И жизненный опыт на моей стороне, а не на твоей. Понимаешь, о чем я?

– Нет.

– Вот смотри, – Арсений миролюбиво развел руками, – мы сейчас расчистим площадку, разломаем мой дом, спилим деревья, накупим генераторов – небось, тоже диких денег стоят? А через месяц твой поток возьмет и иссякнет.

– Так не бывает, – усмехнулся Данила, – точка не может иссякнуть, такого не было ни разу, почитай любые статьи. В Афганистане было – так там гору взорвали, на которой поток обнаружился. Если есть поток – значит, в земле какие-то уникальные условия. Понимаешь? Это вечный источник благополучия!

– Хорошо, а если завтра изобретут синтезатор, которому уже не нужны случайные числа? И тогда что? Ты сел в трейлер и поехал дальше. А я останусь на развалинах, в долгах, с дурацкими генераторами, с беременной женой на руках. И в таком нервном стрессе, что не смогу работать, писать музыку. А ведь мне надо работать – это моя жизнь. Ты меня понимаешь?

– Нет.

Арсений развел руками.

– Данила, при всей моей симпатии к тебе... Это мой клочок земли, мои фамильные владения, моя маленькая планета. И здесь я тебе ничего не дам строить – это разрушит мой мир. А у меня очень уютный мир, я им дорожу.

– Твой мир останется! Мы просто перенесем его в другое место – перенесем дом, сад, лужайку, калитку с табличкой, дуб...

– Дуб перенести нельзя.

– Дался тебе этот дуб, будь он проклят!

– Не смей так говорить! Это дуб моего прадеда. Мой отец под ним рос. Я под ним вырос.

– Мы обязательно все уладим – я позвоню юристу Филу, он придумает хитрый способ...

– Нет, – твердо повторил Арсений.

– Не будем спешить, – деликатно предложил Данила. – Обсудим утром на свежую голову!

– Утро ничего не изменит.

– Сеня, у нас с тобой уже нет выхода. За нас все решила судьба! Поток найден. Рано или поздно о нем узнают все!

– Кто же расскажет? – удивился Арсений. – Мы с Верочкой точно будем молчать, нам это не надо. Ты своим искателям про чужую точку тоже ни за что не проболтаешься – мало ли, найдут способ перехватить...

Данила вдруг понял, что Арсений стал гораздо циничнее, чем ему всегда казалось.

– Ладно, – сказал он мрачно, – детали обсудим и обдумаем. Это все реально мелочи! Эти вопросы решаются! Все будет хорошо.

– Нет! – ответил Арсений твердо.

– Аааа-тставить разговорчики! – вдруг оглушительно рявкнуло из-за забора. – Рота, отбой, мля, час ночи! Сейчас вызову полицию, кому не ясно?

– Виноваты, товарищ генерал, будет тишина, оркестровая пауза! – торопливо крикнул Арсений. – Гость уже уходит!

Данила вернулся через три дня без предупреждения – днем, нарядный, с бутылкой дорогого дизайнерского шампанского, с большим тортом и шикарным букетом роз в модной световой упаковке, мигавшей разноцветными искорками. Он остановился перед калиткой, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и крепко сжал в кармане связку ключей от трейлера. Угрюмая решимость на его лице медленно сменилась улыбкой, и только тогда он позвонил в звонок.

Послышались шаги, Арсений открыл калитку.

– Ну, привет, – сказал он немного грустно. – Уговаривать приехал? Я надеялся, после наших телефонных бесед мы больше к этому разговору не вернемся...

Данила покачал головой.

– Приехал просто в гости, пообщаться, – уверил он.

– Ну... – с сомнением вздохнул Арсений, – что ж, заходи...

Из дома настороженно выглянула Верочка – лицо ее было испуганным. «Вот же люди дремучие, – подумал Данила, – им хочешь как лучше, а они пугаются...» Он подошел к крыльцу и галантно протянул Верочке букет. Она немного оттаяла.

Расположились снова на лужайке. Верочка осталась в доме, сославшись на головную боль. Арсений нарезал торт, разлил шампанское в два бокала и устроился в шезлонге напротив Данилы.

– Ну, начинай просто общаться... – усмехнулся он.

– О'кей, – кивнул Данила. – Э-э-э... Над чем сейчас работаешь? Может, расскажешь? Сыграешь?

Арсений молчал, сосредоточенно глядя, как из какой-то невидимой точки на дне бокала непрерывной тонкой струйкой бегут вверх пузырьки шампанского и лопаются на поверхности. Почему именно из этой точки? Почему не из какой-то другой? Там же ничего нет в стекле бокала в этом месте. Если выпить шампанское и налить снова, такая же вереница пузырьков начнет подниматься из совсем другой точки, бог знает, кем и как выбранной на этот раз...

– Данила, – сказал Арсений, – я так понимаю, ты придумал какой-то важный аргумент. Ну так выскажи его, не держи в себе, я ж вижу, как тебя распирает. Обсудим.

Данила вздохнул.

– Благотворительность, – сказал он. – Благотворительность! Ты представляешь, сколько людей ты сможешь сделать счастливыми?

– Счастливыми – вряд ли, – покачал головой Арсений. – Богатыми – может быть. А счастливыми – точно нет. Когда-то люди были счастливы, если им хватало хлеба пережить зиму. Сегодня никто не голодает, и разве все счастливы? – Арсений оторвал взгляд от цепочки пузырьков в бокале и перевел на Данилу. – Вот тебя я могу сделать счастливым? Ты уверен, что для счастья нужны деньги. Давай я тебе дам денег? Ты станешь счастлив?

Данила помотал головой:

– Арсений, чтоб ты не думал – мне твоих денег не надо вообще. Ты небось решил, что я это хочу ради денег? Да я прямо сейчас напишу тебе расписку, что ни на какие деньги с твоей точки не претендую! Зная тебя двадцать лет, зная нашу дружбу, я не сомневаюсь, что

ты мне и так отсыплешь немного. Я это делаю ради тебя! Ради твоей Верочки, пойми! Я вам хочу помочь! А ты сможешь помочь многим другим людям! Построишь дома, больницы, курорты! С такими деньгами-то!

– Но мы же не новые деньги нашли, а новый поток. Купят его здесь – значит, не купят в другом месте. Денег на планете не прибавится.

– Вот ты так рассуждаешь, а может, в эту секунду где-то в мире умирает ребенок!

– Но я не врач, – возразил Арсений. – И мы нашли здесь не поток лекарств и не поток новых врачей... – Он внимательно посмотрел на Данилу. – А знаешь, где умирает этот ребенок?

– Нет, но...

– А я знаю. Хочешь, скажу? Он умирает прямо здесь, в эту секунду. Пока ты борешься за свои мифы. Это ведь твой ребенок умирает, Данила...

– Но у меня нет детей!

– Вот именно. – Арсений откинулся в шезлонге и уставился в пронзительно синее небо и раскидистую крону дуба над головой. – Представь, что его душа тебя сейчас слышит. Скажи ему это! Объясни ему, почему его нет и не будет. Где твоя благотворительность, Данила?

Данила полез в карман и с грохотом выложил на стол магнитные ключи от трейлера с брелоком-кубиком, задумчиво покрутил их по поверхности столика вправо-влево. Затем аккуратно положил левую ладонь на верхушку бокала, сжал его пальцами и решительно встал.

– О'кей, – сказал он, и лицо его стало серьезным. – Я тебя услышал, Арсений. Последний вопрос: я правильно понимаю, – он обвел рукой полянку, – что весь твой мирок вместе с домом и Верочкой можно аккуратно отодвинуть в сторону, а нельзя отодвинуть только дуб?

– Ну, считай так, если тебе больше нравится, – кивнул Арсений. – Я, кстати, поужинавал в сети – вековые дубы не выкапывают, они гибнут.

– Прекрасно, – кивнул Данила. – Я правильно понимаю, что все остальные вопросы можно было бы решить, не будь этого проклятого дуба?

– Данила, – Арсений тоже стал серьезен, – если хочешь, чтобы мы остались друзьями, так больше при мне никогда не говори. Это не проклятый дуб. Это дуб моего прадеда, великого композитора. До которого нам с тобой как до Луны.

– Идиот! – заорал Данила. – Ну так сделай из этого проклятого дуба хоть что-нибудь ради своего прадеда! Сделай дубовую раму для его портрета! Сделай дом-музей с дубовыми подоконниками, стульями и паркетом! Черт возьми, закажи рояль! Закажи у лучших мастеров мира великолепный дубовый рояль! Ты будешь сидеть за ним и чувствовать присутствие прадеда! Ты напишешь за этим роялем свою лучшую музыку! Только представь эту свою еще не рожденную музыку! Объясни ей, почему ты ее не хочешь создать?!

Арсений встал.

– Данила, тебе пора уйти, – сказал он решительно. – Извини. На этом – все.

– Стоп! – Данила угрожающе вскинул левую руку, сжимавшую бокал, и шагнул к дубу. – Этот дуб должен погибнуть! И он погибнет! – Данила со значением покачал в воздухе бокалом и медленно поднес его к самому дубу. – Смотри, как это будет...

– Не смей!!! – истошно заорал Арсений и бросился на Данилу.

Данила упал, и пару секунд они катались по земле. Наконец Арсению удалось оттащить его от дуба за ногу. Данила медленно сел и разжал пальцы. Ладонь была в крови, стеклянных осколках и земле. Данила долго смотрел на струйки крови, капающие на стриженую траву, а затем с ненавистью перевел взгляд на Арсения. Арсений не обращал на него внимания – он ползал и осматривал землю перед дубом, пытаясь понять, пролилась туда хоть капля или нет.

– Ты что сделал, идиот?! – заорал Данила во все горло, и его крик поднялся под крону дуба и эхом разнесся по окрестным участкам. – Что ты сделал с моей рукой?! Зачем ты бросился меня бить?! Боже, как мне больно!!!

Арсений обернулся и вздрогнул, увидев кровь.

– Чем ты пытался облить мой дуб? – спросил он.

– Идиот... – Данила медленно поднялся, вытягивая окровавленную руку. – Это было просто шампанское, я принес его тебе в подарок, мы же его просто пили... Сдай его на экспертизу, параноик бешеный! А что сделал ты? Зачем ты мне изуродовал руку? Как я теперь смогу играть?! – снова заорал он.

– Играть? – Арсений на миг растерялся. – Данила, возьми на столике салфетку, вытри свою царапину и уходи, прошу тебя...

– Салфетку?! – с чувством выкрикнул Данила и взмахнул рукой, разбрызгивая капельки крови. – Салфетку... и уходи?! Это такую ты мне предложил помощь?! – Данила выдержал паузу и отчетливо произнес: – Я уйду.

Здоровой правой рукой он сгреб со стола ключи и пошел к калитке. Арсений не стал его провожать. Данила в сердцах хлопнул калиткой и услышал за спиной:

– Рррота, аааа-атставить бардак!!! Два ррраза не повторрряю!!!

Ладонь нестерпимо чесалась, хотя чесать было нечего. Это было странное ощущение, к которому Данила пока не мог привыкнуть. На Арсения и Верочку он старался не смотреть. На генерала Максимова тоже. Казалось, судья зачитывает приговор целую вечность.

– ...в процессе распития спиртных напитков между истцом Данилой Винокуровым и ответчиком Арсением Никосовским вспыхнула ссора на почве личной неприязни, – бубнил судья. – Полная видеозапись ссоры приобщена к материалам дела, записанная на сертифицированную камеру-брелок, принадлежащий истцу. Истец пояснил, что ссора с нападением ответчика явилась для него неожиданностью, записывающая камера оказалась по месту ссоры случайно, включилась без его ведома. Таким образом, умысел на осуществление скрытой записи отсутствовал. Суд также установил, что в ходе ссоры истец угрожал словами дереву, находящемуся в собственности ответчика. Ответчик, осуществив превышение пределов необходимой самообороны, совершил нападение на истца, повлекшее травму левой руки истца. Ответчик отказал истцу в необходимой медицинской помощи. В результате возникшего вследствие травмы воспаления в частной клинике «Ганимед-лакшери» была проведена ампутация кисти руки истца, повлекшая инвалидность. Ответчик произошедшую вследствие ссоры травму истца не отрицает. Свидетель генерал Максимов П. К., проживающий на соседнем участке, факт услышанной им ссоры подтверждает, но ее причины и исход ему неизвестны.

– А я предупреждал! Каждый день шум! – рявкнул генерал, и судье пришлось стукнуть молотком по столу, прежде чем продолжить.

– Суд установил, что истец Данила Винокуров является профессиональным музыкантом, вследствие полученных тяжких телесных повреждений утратил трудоспособность. В связи с установленными фактами суд постановил... – Судья зачем-то вытер ладонью рот, плотнул воды из стакана и продолжил: – Иск о взыскании материальной компенсации в размере сорока трех миллионов удовлетворить в полном объеме. Учитывая отсутствие у ответчика материальных средств необходимого объема, в осуществление постановления недвижимость ответчика – участок и коттедж оценочной стоимостью сорок три миллиона – переходят в собственность истца.

– Ес! – тихо прошептал рядом Фил и торжествующе сжал кулак. Затем пихнул локтем Данилу: – А ты боялся!

Данила поморщился от боли и схватился здоровой рукой за перевязанную культю.

– Прости, пожалуйста, забыл, – извинился Фил, а затем наклонился к его уху и зашептал: – А теперь слушай внимательно, это важно! По действующему законодательству участок переходит в твою собственность сегодня, в день решения суда. Но еще месяц они смогут оспаривать решение. И у них будут небольшие, но шансы.

– С ума сошел? – зашептал Данила. – Какие еще шансы? Я руку потерял! Ты же клялся, что дело выигрышное!

– Ну-ну... – поморщился Фил. – Ты руку потерял, а она потеряла сына недоношенного из-за стрессов. Найдет хорошего адвоката, выбьет нужные документы, подаст апелляцию в Высший суд, а там у меня связей уже нет... В нашем деле всякое бывает. Поэтому не болтай, а слушай внимательно. Первое, что ты должен сделать, как только они выедут, – это срубить проклятое дерево так, чтобы оно упало и повредило дом. Имеешь полное право. И тут же сообщи им об этом, пришли фото. Чтобы у них сразу пропал стимул возвращать участок. Понял?

Данила кивнул.

– Но... как я справлюсь одной рукой? Ты мне поможешь?

Фил помотал головой и фыркнул.

– Данила, с ума сошел? Я ж не собственник, какое я имею юридическое право участвовать в разгроме чужого дома? Чтоб они на меня потом в суд подали? Займешься этим один. И учти: я тебе ничего не говорил и ничего не советовал. Поезжай в магазин, купи электролобзик одноручный, потихонечку будешь пилить. Не угробься там, почитай в сети, как правильно стволы пилят.

– На чем я поеду? У меня же трейлера больше нет.

– Не вопрос, докину тебя до магазина инструментов, дальше сам.

Данила получил пластиковый лист судебного решения, украшенный голографическими гербами, поставил отпечаток пальца в регистраторе, и они с Филом пошли к выходу. На бетонном крыльце стояли Верочка и Арсений. Данила хотел пройти мимо, но Арсений шагнул к нему.

– Данила, прости меня, если сможешь, – тихо произнес он, потупившись.

– За что?! – От изумления Данила выпучил глаза.

– Как за что? Что с рукой так вышло...

– Это ты меня прости! – убежденно сказал Данила.

Арсений посмотрел на него удивленно.

– А я тебе говорила, Сенечка, – тихо произнесла Вера. – А ты мне не верил.

Арсений продолжал смотреть в глаза Даниле, но удивление в его взгляде постепенно сменилось холодной неприязнью. Данила отвел взгляд и горячо схватил его за рукав.

– Послушай, все будет хорошо, клянусь! Я все устрою, все вернется! Я тебе компенсирую все, что только пожелаешь! Как только генераторы поставлю – у тебя отныне будет все! Я же это для тебя делаю, для Верочки твоей!

Арсений кивнул.

– Мы вчера вывезли вещи, – сухо сказал он и протянул Даниле магнитный ключ от калитки. – Прощай, истец Винокуров.

Не дожидаясь ответа, он развернулся, и они с Верочкой зашагали к стоянке.

Портативный лобзик с дисковой насадкой тихо урчал, выгрызая древесину широкими треугольниками. Дело шло медленно. Когда стемнело, Данила щелкнул кнопкой на рукояти, включая подсветку, и тогда мрак обступил со всех сторон – только светились в луче седые древесные волокна и блестели капли испарины, выступающие на срезах. В воздухе больше не чувствовалось ароматов лета и кофе – остался только запах пустоты и сырости, к которому добавился аромат стружек. Электрических воробьев тоже не было – то ли Арсений

обесточил их перед выездом, то ли они сами не вышли на охоту, потому что сегодня не было даже комаров.

К ночи облака расступились, и над головой стали видны звезды. Время от времени Данила делал перерыв, чтобы отдохнуть и подзарядить батарею лобзика. Он присаживался в шезлонг и отсюда смотрел на экран измерителя – на упершуюся в предел стрелку. В эти моменты все тревоги и неприятности казались на удивление дешевой платой. Он медленно проводил обрубком руки над воткнутым в землю электродом и совершенно отчетливо чувствовал тепло в несуществующей ладони и приятное покалывание в кончиках пальцев, которых уже две недели не было. Казалось, теперь он чувствует силу потока этой своей рукой – без всякой аппаратуры, без электродов и вычислителей. А еще он смотрел в небо, на звезды. Они пробивались сквозь черную сеть дубовых веток как маленькие алмазные желуди – те, что он искал всю жизнь, и вот, нашел.

Когда от могучего ствола оставалось меньше трети, дуб вздрогнул и словно выдохнул. А может, это был порыв ветра? По ветвям пробежал шумок, затем раздался натужный скрип, и дерево начало крениться. Данила едва успел отскочить, выронив лобзик. Как в замедленном кино, дуб неторопливо накрывал своей кроной дом, словно обнимал его. А обняв, вдруг замер на секунду и разом просел, с грохотом сминая черепицу. Со звоном лопались чердачные окна, веером брызнули во все стороны ветки, щепки и невесть откуда взявшаяся строительная пыль. Наконец все утихло.

Обессиленный Данила упал в шезлонг. Небо над головой было абсолютно чистым – его больше не загромождала дубовая крона, и звезды горели нестерпимо. Ночная прохлада подкрадывалась со всех сторон и залезала острыми сквозняками под взмокшую рубашку. Данила сделал глубокий вдох и умиротворенно потянулся.

А затем привычно положил культю на рукоятку электрода... и вздрогнул. Электрод теперь казался холодным и чужим – ни тепла, ни покалываний в пальцах рука больше не ощущала. Данила лежал так целую вечность и никак не мог решиться скосить глаза, чтобы посмотреть на проклятый экран. Он чувствовал, как невидимая рука сжимает сердце и швыряет гулко и хаотично по всему телу, словно теннисный мяч – в голову, в живот, в ноги. Глаза защипало, звезды дрогнули и расплылись, по вискам покатались слезы. «Господи! – шептал Данила в бархатное июньское небо. – Только не это! Все, что угодно, но только не так, ладно? Так нельзя со мной, Господи! Так нечестно! Так нелогично! Так несправедливо! Так неправильно! Слышишь?»

Вдруг на его плечо опустилась тяжелая ладонь, и сверху раздался голос. Это был голос генерала Максимова, но сейчас в нем почему-то не было ни злобы, ни раздражения, ни командного тона, ни даже укоризны – только простое человеческое сочувствие, понимание и грусть.

– Дурак ты, сынок, – сказал генерал Максимов. – Что ж ты наделал, а?

Олег Дивов Медвежья услуга

*Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья.
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя родня.
Заплачут родны сестры, братья,
Заплачут родны мать, отец,
Заплачут шурины и сватья,
Всплакнет проезжий молодец.*

Все было хорошо, даже замечательно, пока не приперся братец Бенни и не приволок с собой эту Урсулу волосатую. Поздравляю, говорит, любимого дедушку Дика со сто двадцатым днем рождения, желаю еще два раза по столько. А я, кстати, женился, прошу любить и жаловать.

И тишина. И слышно, как мертвые с косами стоят, мослами поскрипывают.

Поймите нас правильно: жениться можешь хоть на курице, твоя личная проблема, только не тащи ты эту несчастную курицу с бухты-барахты на семейное торжество. Семья не оценит. У нас тут отнюдь не сельская пьянка для любого встречного-поперечного, чужих сюда не звали. И «отнюдь» в данном случае – не архаичная фигура речи, которая фиг знает, чего значит, а вполне конкретный глагол.

И тут Манга – ну, прозвище такое – ляпнула:

– Ой, какая она пушистая!

А эта Урсула пушистая, мля, разевает пасть во все шестьдесят четыре зуба, кланяется и на шикарном «квинглише», выпускникам Оксфорда удавиться, отвечает:

– Благодарю вас, сэр, вы очень любезны.

Наши все упали на стол, а некоторые и под стол; обстановка слегка разрядилась. Только Манга надулась, ну да ей не впервой. Снова выпили за дедушку. Опять загалдели, продолжаем общение. Но уже как-то не так сидим. Неуютненько. Бенни сделал глупость – и за него, дурака, неудобно. Перед той же Урсулой неудобно, которая тут абсолютно лишняя... Зачем она здесь? Бенни у нас, понимаете ли, крупный ученый, эти ребята все с прибабахом, себя ради науки не жалеют, а о родне тем более не задумываются: то холеру выпьют, то психоанализ выдумают. И с братца тоже станется проверить над семьей какой-нибудь особо извращенный эксперимент. Допустим, тест на толерантность к незнакомцам, когда их совсем не ждали. Ладно, будем надеяться, что незваная гостья поведет себя разумно, а дальше, наверное, Дик выправит ситуацию. Не так уж часто мы собираемся за одним столом.

А стол чудесный, накрыто по-простому, по-деревенски, и в распахнутые окна шпарит лето с запахом сена, на горизонте озеро блестит. Вдоль стола разъезжает Дик на инвалидной коляске и со всеми чокается; правая нога и левая рука юбиляра упакованы в белую гадость, которую все по привычке зовут гипсом. Коляска бежит на шести лапах из штатных восьми, потому что передние Дик переделал под манипуляторы; в одном коляска держит бутылку, в другом стакан. Никто, в общем, не удивляется – это же Дик. На свои сто десять наш заслуженный старый черт гулял со ссадиной во весь лоб: слишком глубоко нырнул в то самое озеро, что блестит за окном, и стукнулся о камень.

В семье не принято завидовать, принято радоваться за других, но про себя каждый думает: мне бы такой непрошибаемый оптимизм и волю к жизни.

Манга по-прежнему дуется.

– Ты чего? – спрашиваю. – У нее же нюх собачий. Или медвежий. Ну, ты понимаешь, о чем я.

– Да плевала я на ее нюх. Она не местная, чего с нее взять.

– А-а, ты обиделась, что наши заржали?

– Догадался, смышленный. Всегда был умен.

Чувствую, что это цитата, только откуда – не помню, но в книге после этих слов, кажется, начинали убивать. На всякий случай делаю предельно невинную физиономию и подливаю Манге шампанского.

– А может, наоборот, – говорю. – Может, вы, япошки, для нее все на одно лицо. Что мужик, что баба...

Манга буравит меня своими анимешными глазками и цедит равнодушно:

– Пошутил? Шути еще.

– Извини.

– Вспоминается мне реклама времен Второй мировой, – произносит Манга вкрадчиво. – Американская реклама военного займа. Там у них был солдат без ноги – и написано: «Японцы не такие косые, как мы думали»...

– Вот это по-нашему, – говорю. – Вот такой я тебя люблю. Вздрогнем?

– Я тебя тоже люблю. Потому что ты красивый. Но дура-ак...

Вздрогнули.

Тем временем Дик подъехал к Бенни, но его как бы и не заметил, а сунулся к Урсуле и завел с ней оживленную беседу. Мы наблюдаем. Бенни побаивается. Не всерьез еще, но так, опасается. Урсула же явно не замечает, в какое неудобное положение ее новоиспеченный благоверный поставил всю семью. Я общался с «мишками» и более-менее научился их понимать: судя по тому, как она держит уши, ей среди нас комфортно. Многочисленных лучей неприязни, бьющих в обалдуя Бенни со всех сторон, Урсула не чувствует. Это довольно странно, при ее-то природной чувствительности, но ведь прикидываться дурочкой она просто не может. Не управляют «мишки» моторикой, как мы. У них если правда не написана на морде, ее всегда можно прочесть по ушам. Они ребята прямые... А может, Урсула и есть дурочка? Или, напротив, дьявольски опытная особь, из прожженных дипломатов-переговорщиков, которые врать все равно не умеют, зато обучены надежно контролировать свои эмоции. Хотя куда ей, молодая еще.

– Какая пушистая, – снова умиляется Манга, уже вполголоса. – Только это ведь додуматься надо, взять такое пошлое имя. Урсула. Тьфу.

– А как надо? Кума?

– Даже не пытайся.

– Саенара, банзай, кампай!

– Григорий, я тебя сейчас пристукну.

– Слушай, ну не лошадью же страшной ей называться. Они знают, что похожи на медведей. Знают, что в большинстве земных культур отношение к медведю уважительно-почтительное. Опять-таки, мы сами их мишками прозвали. И она, со своей стороны, тоже выражает...

– Да ничего она не выражает. Заткнись, пожалуйста, морда пьяная.

Тут Бенни осторожно, стараясь никого не задеть, выползает из-за стола и почти крадучись идет вокруг него – как я понимаю, к нам прямехонько. Крадетесь он напрасно: семья гуляет, на Бенни всем плевать. Он уже себя показал сегодня, больше ему не дадут. Просто не заметят.

Урсула увлеченно болтает с Диком. На лице деда неподдельный интерес.

Между прочим, мы с Мангой на этом юбилее единственные, кому он и вправду дед. Правда, Манга приемная, но юридически Дик ее прямой и непосредственный дедушка.

Остальные внуки здесь в лучшем случае двоюродные. А прочие того же возраста – кто угодно, лишь бы во внуки годились. Был бы человек хороший, как говорится. Внутри семьи «кровь» не имеет значения, важны только личные качества, и Бенни, например, сегодня нам по степени родства – идиот. Бывает и такое. Нам должно быть стыдно, наверное, но мы об этом как-то не думаем. Не позволим испортить себе праздник. Ну обмешурился парень, значит, плохо его инструктировали. Вот кто ему политику семьи разъяснял, пусть у того и болит голова. А у нас болеть ничего не будет, сколько бы ни выпили: тут, у Дика в деревне, кристально чистый воздух. Мы нынче славно покуролесим, а как стемнеет, устроим салют и еще небось купаться пойдем...

В этот момент я вспоминаю, что Бенни ведь писал диссертацию по серийным семьям, много раз с дедом консультировался, остальных замучил опросниками, и наш внутренний этикет, естественно, вызубрил на десять с плюсом. Ему ли не знать, как в семью вводят новых людей и что выкрутасы типа сегодняшнего – здрасте, вы нам не рады? сейчас будете! – граничат с намеренным оскорблением. Понимаю, что ничего не понимаю, и начинаю потихоньку злиться.

– Привет, мои хорошие! – Бенни улыбается во всю бородатую физиономию и тянет руку.

Ну-ну. Привет, привет.

– Слушайте, а что с дедом стряслось, отчего он весь поломанный? Я же только прилетел, не знаю ничего.

– Ричард Викторович в своем репертуаре, – говорю. – Если хочешь, чтоб было как надо, делай сам, не доверяй роботам. Полез на крышу поправить антенну, упал и сломал лодыжку.

– А руку?..

Манга толкает меня локтем в бок. Она не хочет, чтобы я пересказывал историю про Дика и японскую хай-тек коляску, которую Манга ему подарила, когда у деда нога хрустнула. Нашла, кому: Дик инженер старой школы, от него такие вещи прятать надо. У него всегда наготове паяльник и тестер – интересно же, елки-палки, так и чешутся ручонки шаловливые подковать нерусскую блоху. Шуму и хохоту было на пол-Москвы, дед попал в ленту новостей. Очень странно, как Бенни пропустил это. Ладно, теперь лишь бы сам Бенни в новости не вляпался.

– Где нога, там и рука, – докладываю сухо. – А некоторые женятся, а некоторые – так. И перестань ты, наконец, профессионально лыбиться. Терпеть не могу, когда среди своих профессионально улыбаются. А то я сейчас тоже начну – тебе не понравится.

– Ребята... – канючит Бенни. – Ну не было выхода. Я почему именно к вам – вы-то нормальные, вы поймете.

– Сам ты нормальный, – говорит Манга. – Втравил девушку в херню – и доволен. Все вы, мужики, сволочи.

– Я разведусь с ней потом, – Бенни прижимает руки к груди. – И как будто ничего не было. И все об этом забудут.

– Час от часу не легче, – говорит Манга. – Не успел жениться, теперь разводится!

– Забудут? – переспрашиваю. – Кто забудет? Да тебя уже, небось, сдали с потрохами. Манга, ты в ленте?..

– Я оттуда не вылезая с того момента, как этот красавец нарисовался со своей пушистой женушкой. Пока ничего.

– Я приплатил слегка кому надо, – говорит Бенни. – Чтобы не проболтались.

– Каждому встречному не заплатишь.

– Да кто узнает, мы же это не афишируем. Расписались в посольстве – и рванули на Землю. А тут наши документы только пограничники и видели... Урсулу надо было ввезти

без лишней бюрократии, везти быстро – и мы оформили брак. Поэтому у нее земное имя такое... Простое. Спешили очень.

– Чего-то ты темнишь... Братишка.

– Да не темню я. Это все вообще из-за вас! То есть из-за нас. Из-за деда.

Угадал я, значит: наука. Ну чего взять с социологов. Чувством такта они никогда не отличались, ведь мы, живые люди, для них – материал. Не хватало нам Бенни, выпестовали уroda в своем коллективе, а теперь с его легкой руки инопланетная плюшка явилась исследовать нашу веселую семейку. Думаю, многие за столом уже догадались, что здесь творится, и если бы не Дик, показали бы ученой медведице та-акую козью морду... Не понимаю: до Бенни не доходит, что он завтра же с треском вылетает из семьи? Или мы ему надоели, и он нарочно так устроил? Но зачем? Семья это не мафия, ты никому не обязан ничего...

Мы с Мангой переглядываемся, потом вместе смотрим, как Урсула общается с Диком. Дед положительно очарован.

Его можно понять: милейшее ведь существо. В «мишках» очень много собачьего, а еще – человеческого, они тоньше и стройнее земных бурых медведей, непринужденно ходят на двух ногах, и руки у них, а не лапы, и вообще это все неважно, а важна общая картина. Милы они человеческому глазу, и все тут. Будто их нарочно таких придумали, чтобы мы испытывали к ним безотчетную симпатию.

Надо бы держать в уме, что это раса галактических коммуникаторов, а говоря по-простому, торговых посредников, толмачей и дипломатов. По идее, от таких ушлых тварей в любой момент жди подвоха. Но «мишки» совсем другие. Люди погрязли в обмане, и до чего же приятно на этом фоне иметь дело с существами, органически не способными ко лжи. Когда им врут, «мишки» видят прекрасно, а сами притворяться не умеют. Не та мимика, не та моторика. Они могут зажимать информацию, замалчивать что-то важное, и только. Прямой обман им недоступен. На этом и поднялись.

Чтобы обвести «мишку» вокруг пальца, надо самому поверить в свое вранье, только у них острый глаз и четкий нюх. Они чувствуют планы внутри планов, считывают тончайшие оттенки эмоций. До встречи с «мишками» наши ученые считали непревзойденными физиономистами собак, но инопланетные пушистики уделали местных.

«Мишки» лучшие друзья и помощники тех, кто готов ко взаимовыгодному партнерству и совместной работе не на словах, а на деле. Для земных политиков это был шок. Только мы вылезли за пределы своей домашней системы, а никуда не сунешься: везде сидят мохнатые обаяшки и глядят на тебя честными-пречестными глазами. Наши-то надеялись в спейсоперу попасть, где закон – тайга, вору-надувай, а фигушки.

В общем, «мишек» на Земле очень любят, ну так любят, прямо расцеловать готовы всю мохнатую задницу, только въехать сюда им сложно, если это не официальный визит – надо объяснять, почему? Насколько простой землянин рад поболтать с «мишкой», настолько же их терпеть не могут властные структуры и прочие мегакорпорации. Окончательно все поплохело с тех пор, как задумали объединиться две крупных IT-компании, и из самых лучших побуждений взяли «мишку» наблюдателем. Ну и он, значит, понаблюдал за сделкой. Недолго, но эффективно. Посидел на переговорах, хрюкнул забавно – это они так смеются, – объяснил высоким договаривающимся сторонам, чего они в действительности хотят друг от друга, получил гонорар и убрался восвояси. Что там дальше случилось, никто в подробностях не знает, только объединяться ребята передумали резко и навсегда, а еще, говорят, пару трупов из одной подмосковной речки выловили.

Нынче «мишки» у нас не такая уж редкость, особенно в столицах, где сидят их представительства, но ездят они на Землю в основном по научному обмену. Обставленному так, словно каждый инопланетный специалист – потенциальный диверсант. Заявка от универси-

тета за полгода, визовый режим, прививки, карантин, страховка – все, что может выдумать продвинутое государство, дабы отбить у тебя желание посетить его.

Сами «мишки» воспринимают ситуацию философски. Они видали и покруче, а терпелка у них закаленная. Как мне один сказал: «Представь, что тебе нужно наладить диалог мыслящего глиста с разумной звездой. Теперь добавим, что это не сама разумная звезда, а проекция ее сознания на наше измерение. Теперь еще усложним: о том, что другая сторона переговоров именно глисты, даже мы не сразу догадались...» По его словам, бились они над проблемой около сотни земных лет. Когда я ответил, что мы, простые земные артисты, работаем преимущественно с глистами буквально от сотворения мира, но поняли это совсем недавно, мой визави принялся ухать, хрюкать и подпрыгивать, выражая бурную радость. Чувство юмора у «мишек» такое же, как у нас, если не хуже.

Они никому не стараются навязаться, потому что без них все равно никуда. Глисты с Сириуса не поймут глистов с Альдебарана – и на всякий случай шарахнут по ним каким-нибудь разрыхлителем пространства-времени. Оружия массового поражения как такового ни у одной цивилизации нет, за этим следят пристально и строго, но тяжелого инструмента полно на любом задрипанном кораблике, и разрыхлители мигом превращаются в рассекатели. Поэтому, во избежание непоняток, на каждом дозорном глистовозе сидит пара «мишек». Очень удобно. Неудобно только нашим мыслящим глистам, которые не умеют вести переговоры без камня за пазухой и всегда первым делом прикидывают, как бы чего пограбить. Сам факт присутствия «мишек» на Земле и их популярность в народе – нож острый для властей. Дай им волю, они бы этих мохнатых близко к людям не подпускали. А то мало ли чего люди придумают. Захотят, например, чтобы все чиновники были честные и говорили только правду. Это же с ума сойти, что начнется.

Короче говоря, я балбеса Бенни отчасти даже оправдать готов – исключительно в той небольшой части, что касается обхода бюрократических рогаток.

И полностью одобряю Дика, который чего-то Урсуле на ухо шепчет и даже вроде бы хочет здоровой рукой ее приобнять, но сдерживается. Она ведь на ощупь должна быть как дорогая шуба. Я бы с ней и сам пообнимался.

– А мы-то тут с какого боку? – спрашиваю. – Зачем ей дед понадобился?

– Урсула – моя коллега, – объясняет Бенни. – Мы третий год работаем в паре, я изучаю их, она изучает нас. Ее интересует феномен серийной семьи, а я возьми и проболтайся, что сам в такой состою, да еще в одной из наиболее успешных. И у нас скоро юбилей патриарха, на который все съедутся... Ну и... А Урсулу в следующий раз пустят на Землю только через три месяца. И как я ее сюда протащу, если до юбилея – неделя?

Врет и не краснеет. Все очень убедительно и совершенно в духе Бенни, но почему я ему не верю? Наверное, не хочу смириться с мыслью, что этот добрый и славный в принципе парень – не наш. Чужой. И всегда я в нем чувствовал некую внутреннюю отчужденность. Он еще пешком под стол ходил, и уже мне не нравился.

М-да... Манга оглядывается по сторонам, кого-то выискивая. Стол большой, на сто персон, одним краем в стену уперся, и некогда просторное бунгало Дика теперь кажется очень тесным – не было рассчитано на то, что нас так быстро станет так много. Ничего, в тесноте да не в обиде. И многим здесь сегодня отдельно за праздник – возможность по-человечески посидеть, чувствуя, так сказать, дружеский локоть. Поскольку в обыденной жизни вокруг них слишком много свободного места, ибо не всякому положено к таким людям приближаться вплотную без предварительной записи. Нет, богатеев-олигархов и больших начальников среди нас отродясь не бывало, зато каждый – профессионал и, естественно, человек востребованный, занятой. Чтобы съехаться на юбилей, за год договаривались, и то не все смогли.

Не соврал Бенни, семья успешная.

– Бенни, видишь Феликса? – Манга спрашивает. – Вон, носом к салату прицеливается, его уже жена под локоть держит. Тебе достаточно было написать ему два слова. А видишь Акима, который из принципа трезвый сидит? Он всегда трезвый и готов помочь в любое время суток. Если стесняешься дергать занятых людей, которые намного старше тебя, – дерни нас с Гришкой. А мы дернем кого угодно. И через два рукопожатия получим выход на президента любой страны. Только это слишком высоко, тут хватило бы уровня МИДа... Погоди-погоди... Да вот же! Вон хлещет виски сэр Алан Макмиллан. У тебя должен быть его прямой номер. Ты забыл про Алана? Эй, ты нарочно забыл про Алана?..

Бенни пожимает плечами, но в глазах у него что-то проскакивает. Может, очень даже может, что нарочно забыл, то есть, не захотел.

– Ты какой-то феерический рохля, – Манга уже почти рычит. – Когда надо для твоих дурацких исследований, ты готов всех затрахать. А если надо для себя – будто не родной. Алан с твоим отцом были не разлей вода друзья, когда мы с Гришкой ползали в подгузниках, а о тебе вообще никто даже не думал! Какого черта, Бенни?! Ладно, если тебя так страшно клинит, если такой стеснительный – для этого есть мы! Только свистни! И это тебя ни к чему не обяжет. Нам незачем требовать, доказывать, биться головой о стену, и уж тем более обивать пороги. Мы можем просто вежливо попросить, чтобы в порядке исключения твою коллегу пропустили через дипломатический коридор. Сэр Алан мило улыбается, делает один звонок – и нет проблем. И Урсула уже на Земле безо всех этих глупостей. А потом мы устраиваем ей встречу с дедом, и с кем еще захочет... Нет, ты должен вломиться, как слон в посудную лавку! Можно было все уладить по-человечески, Бенни. Зачем еще нужна семья? А? Чтобы ты всегда мог шепнуть пару слов человеку, который рад тебе помочь. И поможет он вовсе не потому, что ты родственник, а потому что ты хороший парень, иначе тебя бы с нами не было... Вот зачем семья.

– Да черта с два она для этого, – бурчу я. – Ладно, ладно, сугубо личное мнение...

– А я согласен, она не для этого, – говорит Бенни. – А ты, Манга, словно забыла, о чем моя диссертация. Я все понимаю не хуже некоторых.

– Так какого же хрена?..

– Сам хотел, – Бенни расправляет плечи. – Без рукопожатий. Без просьб. Без дипломатических коридоров в обход закона.

– Это я слышу от человека, который дал взятку государственному чиновнику?

Все-таки Манга редкая зануда.

– Хватит, – говорю. – В общем, Бенни, диссертация о серийной семье – штука хорошая, только ничего ты в этой семье не понял, на чем и остановимся. А то сейчас Манга тебе в бороду вцепится. Она сегодня добрая, уже меня обещала пристукнуть...

А сам гляжу на сэра Алана и вдруг понимаю, что Бенни-то здорово на него смахивает, и чем дальше, тем заметнее это становится. Интересно, он в курсе, кто его биологический отец? Или сторонится Алана чисто инстинктивно? Надо бы заглянуть в семейную хронику – кажется, Алан Макмиллан и Торвальд Нордин как-то очень резко поменялись местами. Там сложился классический любовный треугольник, вполне мелодраматичный, типа «если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Нордин был в семье изначально, где-то нам с Мангой троюродный или вроде того, а Макмиллан – пришлый, его тетя Лена привела, и он сразу всем понравился. И с Тором они хорошо дружили, а потом вдруг года через три ка-ак настучали друг другу по мордасам, и Тор говорит: извините, теперь я Ленкин муж, ну что поделаешь – любовь. С Аланом они еще лет пять не разговаривали. Считается, что их Дик помирил, на самом деле и без него справились, перегорела обида, а симпатия осталась. Проклятье, какой же я старый, если помню столько интересного. А ведь у нас с Бенни не наберется и двадцати лет разницы... Да, точно, сами помирились. В полном согласии с кодексом семьи, прямо хоть бери их историю за эталон. Хороших людей на свете

полным-полно, а вот таких, к которым у тебя, что называется, «душа лежит», очень мало, контакты с ними надо беречь, холить и лелеять. На этом и держится серийная семья. В ней отношения не рвутся, они надстраиваются и достраиваются. Из нее, бывает, уходят – обычно в сердцах, по ссоре, – пропадают надолго, но рано или поздно возвращаются. И еще с собой приводят новых душевных людей. Это родство на каком-то экстрасенсорном уровне. Кто сам не чувствовал, тому трудно объяснить.

И вводят новых членов в семью осторожно, плавно, чтобы все успели присмотреться, и сам человек к нам принялся и понял: ух ты, как мне с вами хорошо. А жениться можешь, повторяю, хоть на курице. К семейным отношениям не имеет отношения. Например, мой папуля свою первую любовь даже не думал сюда привести – хотя был молодой, втрескался по уши, да еще у кровных родичей иногда ум за разум заходит, будто они равнее других и их куриц тут будут терпеть... Не-а, не будут, даже если курица с золотыми яйцами. Семья в этом смысле довольно жестока.

Отчасти жестокость вынужденная: редкий человек с нами уживется, потому что внутри семьи принципиально не лукавят и не тянут одеяло на себя. Вне семьи, в общем, тоже. Быть честным и открытым трудно, судьба такого человека на планете Земля зачастую складывается как у «мишек»: народ тебя любит, а начальники гнобят. Иногда – к счастью, редко, – семье приходится выстраиваться клином и переть в атаку, защищая своего. Но в целом семья, конечно, не для этого, что бы там Манга ни думала. Мы создали мафию не ради выживания, а чтобы нормально жить.

– Мне за девчонку обидно, – говорит Манга. – Все должно быть по правилам, а тут профанация какая-то... Бенни ничего про семью не понял, так он всегда был остолопом, и Урсула ничего не поймет, хотя умненькая, ей просто не дадут... Никто не будет с ней серьезно разговаривать. И я не буду, чисто из принципа!

И в полном расстройстве присасывается к своему шампанскому.

А над столом гул, все уже сидят, откровенно развалясь, на веранде кто-то пробует гитару, сейчас начнется спонтанный джем-сейшен с разудалыми плясками. Здесь нет скучных людей, здесь умеют веселиться. А Дик все никак от Урсулы не отлипнет. Ну, ему виднее.

А я крепкого хлопнул – и меня осенило:

– Чего обижаться, да у нее все прекрасно! Мы Бенни выпрем из семьи к такой-то матери, а Урсулу себе оставим. В команде замена. Вместо выбывшего из игры социолога Нордина на площадку выходит социолог... Кстати, как ее фамилия? Естественно, Нордин. Посмотри, она ведь намного лучше Бенни, правда? Ее можно гладить. Можно использовать как коврик с подогревом...

– Да ну тебя! – отмахивается Бенни, но отчего-то вдруг потеет.

– Хватит водку жрать, Григорий, – говорит Манга строго. – Просохни малость.

– А когда мне еще жрать-то? У меня, знаешь, какой график? Послезавтра на старт – и в Рио. И далее везде, по самым жарким точкам. По всей Латинской Америке чешем, я даже теперь знаю, что такое Гондурас.

Чувствую, Бенни напрягся. Ага, не просто так ты именно к нам подсел, социолог хренов.

– Да я в общей сложности два месяца стакана не увижу!

– Это в Латине-то? Да там квасят даже в промежутках между выпивками – те, кто не курит и не нюхает!

– Пускай квасят, веселее будут. Я туда не пьянствовать, а работать еду. На работе мне просто нельзя. Ты меня пожалей, сестренка!

– Ты несешь радость людям, дубина, – сообщает Манга пафосно. – Это твоя миссия. Нашел, чего жалеть – стакана. Печенку бы пожалел!

Только я собираюсь в ответ тонко пошутить, тут у меня в левом ухе щелкает – вызов от деда. Гляжу через стол – а Дик смылся куда-то, вместо него с Урсулой баба Варя сидит. Прислал старик надежную замену, чтобы поддатые родичи не обидели мохнатую невестку. Баба Варя имитирует учтивую беседу, а сама, очень заметно, мыслями далеко-далеко. Ну да, ей сейчас приходится вокруг стола десять роботов гонять. Одно слово, что роботы, а дураки те еще. Поэтому и молодежь на подхвате, да и старшие не гнушаются пробежаться до кухни с грязными тарелками и пустыми бутылками – вон Виктор, отчим мой, самолично за добавкой поскакал...

– Гриша, будь другом, – говорит дед в левом ухе. – Прогуляйся со мной до площадки. Вот прямо сейчас вставай – и дуй. Есть дело по твоему профилю.

– Клоунаду учинить? – спрашиваю. – Или трагедию?

– Маленькую комедию.

Ладно, раз надо, значит, надо. Сейчас приду. Налью-ка себе, чтобы, как говорится, рука не дрогнула...

– Слушай, Гриш, – Бенни встречается. – Я помню, у тебя есть несколько скетчей, в которых участвует «мишка». Ты их еще играешь? А кто у тебя там в медвежьей шкуре?

– Его зовут, допустим, Вася. Заслуженный артист малоизвестных театров. Дальше что?

– Дальше – что скажешь, если сыграет настоящий «мишка»?

– Весь комический эффект потеряется, – отвечаю мгновенно.

– А ты подумай. Вдруг только усилится?

У меня плоток застрял, я аж закашлялся. Отдышался кое-как, горло прополоскал соком и говорю хрипло:

– Бенни, дорогой мой младший братец, если тебе позарез надо сплавить Урсулу в турне по Гондурасу – найди смелость это сказать прямо, как положено между братьями. А раз кишка тонка – позволь торжественно послать тебя в задницу! Нашелся, блин, импресарио...

– Мальчик сегодня явно не в себе, – поддакивает Манга. – Надо провести с ним воспитательную работу.

– Да идите вы... – бормочет Бенни и затравленно озирается.

Встаю, прошу ребят не убивать друг друга, пока не вернусь – я ненадолго. Уворачиваясь от желающих пропустить со мной стаканчик, выхожу на веранду. Тут же спотыкаюсь о толстенный кабель – это наша доморощенная рок-группа так одаренно подтянула себе питание.

– Хотите, чтоб убился кто-нибудь?

– Дед сказал – кидайте здесь.

– Своих мозгов нет?

– Ты чего злой такой?

– Техника безопасности, елки-палки. Если мне за сценой бросят кабель на проход и это менеджер заметит, человека уволят.

– Ну дед сказал...

– Ты ногу у деда видел?.. Нашел, кого слушать. Он инженер-испытатель, ему этой ТБ всю жизнь мозги полоскали. Естественно, он как вырвался на пенсию – сразу перестал ее соблюдать!

Воха, первая скрипка большого симфонического оркестра, лауреат международных конкурсов и так далее, чешет в затылке и говорит:

– А между прочим, у нас провода вечно лежат черт-те как, и не только за сценой. Некоторые спотыкаются. Очень странно, потому что ТБ для всех концертных площадок должна быть в принципе одна. Надо будет заняться этим. Ты прав, Гриша, учту на будущее.

Он берется за кабель и дергает его вверх, чтобы переложить удобнее. В следующее мгновение через кабель летит кубарем сэр Алан Макмиллан, но я успеваю его поймать.

– Грег, нам нужно идти, – говорит Алан как ни в чем не бывало. – Нас ожидают.

Мы спускаемся с крыльца и идем вдоль рядов машин к посадочной площадке. Я полной грудью вдыхаю запахи лета – и кружится голова. Что это за кусты такие? Жасмин, кажется. Господи, как тут хорошо. Дик купил дом в заброшенной деревне лет восемьдесят назад – и потихоньку начал подтягивать наших. Зазывал в гости, показывал местные красоты и агитировал здесь строиться. Теперь не деревенька, а загляденье, и почти на километр во все стороны своя земля. А дальше фермеры орудуют, в которых семья вложилась с одной только целью: чтобы хорошим людям было чем заняться, а плохие сюда не лезли... Почему я редко бываю здесь? Только из-за профессии. Шебутная она, не засидишься.

Дик – на краю площадки, его коляска нервно переступает с ноги на ногу.

– Как ты это делаешь? – спрашиваю.

– Задницей, – просто объясняет Дик. – Алан, ты ему сказал?..

– К сожалению, не успел. Я упал, – произносит Алан с достоинством. – Мне надо было восстановить равновесие.

И прячет в карман фляжку.

Дик качает головой. Легкий по жизни человек, ироничный и добродушный, он сейчас выглядит непривычно серьезным.

– Ерунда, – говорит ему Алан. – Не напрягайся из-за ерунды. Это все несерьезно. Когда серьезно, они действуют на другом уровне. Присылают эмиссара с особыми полномочиями.

Дик оглядевается: на горизонте возникает маленькая черная точка.

– На что и надеюсь, – говорит он. – Уровень – так себе... Гриша, я собрал вас здесь, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие – к нам едет ревизор, хе-хе... То есть, главный местный полицей, с ним чиновник миграционной службы. Полицей, я так понимаю, чтобы проявить уважение, ну и в надежде на выпивку – мы с ним давно и прочно знакомы. А вот чего ради сюда намылился мигрант, даже думать лень. Сейчас узнаем. У меня к тебе просьба: надо так их встретить, чтобы сразу поняли, куда попали. Чтобы на них снизошло неописуемое счастье – и максимальная неловкость одновременно. Лучшего человека, чем ты, для этого просто не придумаешь. А досточтимый сэр Алан прикроет наши тылы юридически. Он разбирается во всякой фигне. Если что, он еще и неприкосновенная персона.

– Если что, всегда можно спрятаться в моей машине, – говорит Алан.

И глупо хихикает.

Дик смотрит на него пристально.

– Я просто вспомнил: у меня там много чего есть, – Алан снова лезет в карман за фляжкой. – Ричард, умоляю, ну перестань ты нервничать. Такой замечательный день. Наконец можно расслабиться. А ты напрягся, будто к тебе летит батальон морской пехоты.

– Для морской пехоты я нашел бы дело, – говорит Дик. – Надо пруд вычистить, и это сугубо ручная работа, технику не подгонишь к нему. Что я, в армии не служил? Добрая беседа с офицерами, пара бутылок, а солдатики пускай копают...

– Ты не поверишь, у нас была та же фигня, только это надо делать очень тихо, а то полно стукачей, – говорит Алан, завинчивая крышечку. – Обычно использовали новобранцев.

Черная точка уже превратилась в полицейский вертолет. Он идет в режиме глушения и вместо обычного стрекота – негромко чпокает. Уважает, значит. Обычно в сельской местности они не церемонятся: глушилка быстро выжирает ресурс лопастей. Машина заходит на посадку, ветер треплет мои волосы. Я закрываю глаза, контролирую дыхание...

Я на работе. Я очаровательный. Я несу радость людям. Вот прям щас и принесу.

И вместо простого русского парня Гриши Грачева, заметно поддатого и слегка расхристанного, перед официальными лицами возникает знаменитый на всю планету комик, любимец публики Грег Гир.

Надо видеть эти лица.

Кажется, их миссия провалена, толком не начавшись. Все-таки неплохой я артист. Не зря пошел в профессию.

Внешне не стусевался только мужчина в штатском, о визите которого нас не предупредили, но я-то вижу, каких усилий ему стоит сдерживать радостное изумление.

– Вот это да! – полицай даже руками всплеснул. – Как же я... Ну разумеется! Вы же внук!.. Вот это да!

Миграционный чиновник просто растерян. У него в руках папка, и он, похоже, думает, а не сунуть ли ее мне для автографа. Это все, что его занимает сейчас; остальное, как верно заметил досточтимый сэра Алан, – ерунда.

Тем временем мужчина в штатском просовывается к сэру Алану и крепко жмет ему руку, как старому знакомому. Вот он и пожаловал, тот самый эмиссар с особыми полномочиями...

Полицай обнимается с Диком, путанно и многословно поздравляя его со двадцатилетием. Инвалидная коляска тут же сует полицая выпивку под нос. Немая сцена.

– Послушайте, господа хорошие, – говорит штатский. – Раз уж так получается, давайте я, ага?

– Нет-нет, – возражает полицай, – я же обязан.

– Да у вас стакан в руке, чего вы обязаны...

Полицай удивляется. Рефлекторно схватил, не иначе.

– Дипломатический советник Русаков, – представляет штатского Алан. – Переводя на человеческий язык, офицер по особым поручениям вашего МИДа. Мы знакомы. Он тут неофициально, для информации, и это все упрощает. Давайте и правда по-домашнему. А потом выпьем! Вон там, в беседке, можно отлично сесть.

Дипломатический советник смотрит на часы.

– Можно и сесть, – говорит он.

– Нет, но я обязан, – встревает полицай. – Это чисто протокольное. Буквально пара минут. Уважаемый Ричард Викторович. Находится ли сейчас на вашей территории некто Бенджамен Нордин?

– А почему вы спрашиваете? А не позвать ли мне адвоката? Вон в том доме их человек десять на любой вкус, есть красивые женщины, – заявляет Дик. – И все очень недовольны тем, что им портят праздник.

– Так и запишем: от ответа уклонился...

– Нет-нет. Будучи по случаю праздника в состоянии алкогольного обвинения... Тьфу, опьянения!.. Отвечать членораздельно не смог.

– Ну, причина уважительная, – говорит полицай. – Находится ли сейчас на вашей территории урсунд, называющий себя Урсундой Нордин?

– Будучи в состоянии алкогольного опьянения, мне что урсунд, что гнидогадоид – не различаю лиц!

– А провести осмотр территории и опрос свидетелей я без ордера не могу, – заключает полицай. – Значит, официальная часть закончена. Твое здоровье, Дик! Поправляйся и живи еще сто лет как минимум.

И немедленно пьет.

– А я?! – обиженно спрашивает миграционный чиновник.

– А жалоб и заявлений не было, – говорит ему полицай, берет у Дика новый стакан и сует его чиновнику. – И депортации не предвидится.

– Не было, – подтверждает Дик. – И не предвидится.

– Они своих не сдают, – объясняет полицай «мигранту». – Это же семья. Никто закон не нарушал, а если против понятий набедокурил – они внутри разберутся и накажут.

– Ваше здоровье! – говорит «мигрант» и почему-то кланяется, прежде чем выпить. От уважения, вероятно.

– Ваш ход, советник, – Алан кивает Русакову.

– Да, сэр. Мне поручено сообщить вам, Ричард Викторович, чисто в порядке информации, что урсунويد, называющий себя Урсулой Нордин, объявлен у себя на родине вне закона. Несколько секунд мы стоим в молчании, переваривая услышанное.

Мне хочется глупо пошутить, чтобы разрядить обстановку, но я не умею импровизировать. Все мои блистательные импровизации, от которых публика стонет, это домашние заготовки. Хороший экспромт тем и отличается от плохого, что его надо тщательно готовить.

Дик просто молчит – собранно и деловито, если только можно «деловито молчать». У него даже коляска больше не приплясывает.

– Дерьмо собачье, – бросает Алан. – Вне закона, какая сильная формулировка, аж страшно. А девку выгнали из стаи, вот и все. Просто выгнали из стаи. Предлагаю всем расслабить промежность и сделать вдох-выдох. Чего она натворила?

– Мы не имеем никаких данных и вряд ли сможем их получить в обозримом будущем. Нас только поставили в известность о факте наказания.

– Поскольку не было заявления... – начинает полицейский.

– Понятно, понятно, – цедит Дик.

Понятнее некуда. Нет заявления – нет преступления. Значит, на территории, подпадающей под земную юрисдикцию, Урсула ни в чем не виновата.

– Что мы знаем на сегодня... Это молодая особь, ей около тридцати лет в нашем эквиваленте, – говорит Русаков. – Дальше все очень условно, потому что мы подгоняем данные под земные понятия и определения. Если я говорю «ученый», это не значит, что она ученый. И если говорю «социолог»... Это самое близкое, что у нас есть. Так или иначе, она работала на Земле наездами в общей сложности около двух лет. Полугодичными циклами – «мишкам» не дают тут засиживаться по причинам, которые я не уполномочен обсуждать...

– Тоже мне секрет – вы их гоняете, чтобы беременные самки не рожали на Земле. А то придется дать «мишке» наше гражданство – и понеслось...

Зря я все-таки перед выходом стопку хлопнул – она лишняя была. Русаков косится на меня неодобрительно, никак не комментирует мою реплику – и продолжает:

– Три месяца назад эта особь в очередной раз вернулась домой, и вместе с ней уехал работать Бенджамен Нордин. В его задачу входили так называемые полевые исследования, а урсунويد консультировал обработку результатов. Ничего, в общем, необычного. Что случилось дальше, никто понятия не имеет. Так или иначе, Нордин поступил в некотором смысле остроумно, использовав лазейку в законодательстве. Жениться-то сейчас можно хоть на корове! Мы просто этот момент прошляпили. Никому и в голову не приходило...

Русаков удрученно качает головой и косится на бутылку.

– Он ее как медведя, что ли, оформил? – спрашивает Дик.

– Совершенно верно. Это его ручная медведица! Урсула, мля. Она даже на четыре лапы встала ради такого случая. И господин Нордин через посольский терминал преспокойно оформил все документы. Только ветеринарный паспорт ему сляпал на коленке тамошний врач, но сляпал убедительно. Собственно, это единственный в посольстве, кто видел Урсулу живьем. Все остальное Нордин провернул удаленно – а что взять с компьютера, он железный и знает два ответа: «да», «нет»... После чего Урсула опять встала на две ноги – и пошла садиться на земной рейс как законная супруга, вписанная в гражданский паспорт мужа, поскольку свой гражданский паспорт медведю, трам-тарарам, не положен. И не подкапашься. Ловко сделано, признаю. Ваш внук зарывает талант в землю, ему бы в разведке служить.

– Надеюсь, врача уже расстреляли?

– Вам шуточки, Ричард Викторович, а с доктором будем разбираться, это же служебный подлог, уголовная статья. Ишь, гуманист нашелся. Сейчас летит домой, посмотрим, чего расскажет.

Дик с Аланом переглядываются, Алан едва заметно кивает. Русаков слегка морщится.

– К сожалению, по сути дела врач не знает ничего. Он просто «мишку» пожалел. Крутят они нами как хотят... Манипуляторы.

Русаков снова косится на бутылку, и я его понимаю – бутылка хорошая.

Дик ловит этот взгляд и никак не реагирует. Не хочет угощать дипломатического советника.

– Когда «мишку» выгоняют из стаи, он покойник, – говорю я. – Без семьи он никто, у него статус добычи. Миллион лет назад изгнанник мог прибиться к другой стае. При известном везении был такой шанс. У молодой самки или очень сильного самца – чуть больше шансов. Но чаще одиночка погибал. Его просто убивали другие «мишки». Потому что мордой не вышел или им кушать захотелось. Изгоя можно задрать и слопать, закон такой. А теперь вся их цивилизация – единая стая. Закон остался прежним, изгнанник – легитимная добыча для любого «мишки». А вот другой стаи ему уже не найти. То есть, шансов ноль. Абсолютный. Вы это знали, советник?

– Ваши симпатии к урсуноидам общеизвестны, Грег, – холодно отзывается советник.

– Вы это знали.

– И что? «Мишки» повсюду. То, чем они занимаются – ползучая оккупация. Это страшно, на самом деле. Земля – единственное место, где оккупацию сдерживают.

– Вот почему Бенни привез Урсулу сюда, – говорю. – Логично, вам не кажется?

– Мне бы хотелось поговорить с ней, – Русаков поворачивается к Дику.

Дик молчит. Все молчат. Шумно и грузно молчит полицейский; тихо молчит и не шевелится Алан, хорошо у него получается, видно опытного дипломата; полностью растворился в воздухе миграционный чиновник, его тут не было и нет, он не хочет во всем этом участвовать.

«Мишек» на Земле в среднем меньше тысячи. Да, конечно, они теперь вполне интеллигентные ребята, а не полужвери, как миллион лет назад, но закон есть закон. Никто не обязан убивать Урсулу, однако и запрета нет. Дальше все зависит от тяжести преступления, о котором они наверняка узнали еще вчера по своей телепатической почте. И каждый «мишка», наткнувшись на Урсулу, будет решать для себя, достойна она жить или нет. Матерый самец загрызет ее в пару секунд, а она небось и сопротивляться не станет. Одна осталась на всем белом свете, вычеркнули ее, ну и чего ради трепыхаться?

У «мишек» нет системы наказаний в нашем понимании: они треплют непослушных детей, взрослые могут подраться, и только. А отлучение от стаи – это смертный приговор, ребята. У Урсулы никаких перспектив. Выжить она сумеет, но жить ей без семьи незачем.

Как она вообще сегодня держится – фантастика. Устойчивая психика, железные нервы. Я бы головой о стенку бился... Ловлю себя на том, что думаю об Урсуле как об обычной земной женщине. Забавно. И неправильно. Нет, дорогие мои, она – из ряда вон, она – несчастнейший из смертных, вам такое одиночество и представить нельзя. Я могу, но я актер, меня этому учили. Я могу представить и не такое одиночество.

Искать ее намеренно не будут. Урсула без проблем сможет устроиться на Земле так, чтобы не попадаться на глаза соплеменникам.

Это, конечно, не выход. Это не жизнь.

Кстати, о жизни и смерти. Сейчас Урсула, насколько понимаю, все еще числится домашним животным – и «мишка», убив ее, попадает года на три максимум...

– Надо ее в человека переоформить, – заявляет полицейский, будто услышав мои мысли. – А то если грохнут, сколько можно накрутить – ну года три, и то с учетом наличия умысла и особого цинизма... Плюс намеренная порча имущества, но она поглощается более тяжким...

Стоп! А вот и нет. Это же убийство супруга! Со всеми вытекающими последствиями. И тогда, извините, вплоть до пожизненного. Только нормальный гражданский паспорт ей все равно надо сделать.

– Вы ее даже не видели, – говорит Русаков с горечью. – Вы не знаете, что она натворила. Тем не менее она уже вами манипулирует. Вот так они захватывают обитаемую вселенную. Они повсюду, и у них все под контролем. Но смею вас заверить, мы не позволим им сделать это на Земле.

– Да ничего страшного она не натворила, – говорит Дик устало. – С человеческой точки зрения – совсем ничего. Теперь уже я смею вас заверить: пройдет не так уж много времени, и вы бегать за ней будете на четвереньках, чтобы она до вас снизошла.

Русаков делает надменно-удивленное лицо. Получается неплохо – видать, тоже учили.

– Она хорошая девчонка, – говорит Дик. – И хотела как лучше. Просто ее на родине не поняли. Не знаю, чем все это кончится. Сегодня она мой гость. А об остальном я подумаю завтра. Спасибо за визит, господа, и всего вам наилучшего.

Коляска разворачивается и шагает к дому. По дороге она наливает хозяину выпить, чуть-чуть, на самое доньшко. Дик в совершенстве владеет этим искусством – принимать по маленькой и равномерно. Не то что я, например.

Русаков вопросительно глядит на Алана, тот молча кланяется и отворачивается. «Мигрант» открывает папку, листает документы, рвет какую-то официальную бумагу пополам, и я оставляю два автографа – ему и полицаю. Оба лезут в вертолет, подчеркнуто не обращая внимания на дипломатического советника. Они даже пытаются дверцу захлопнуть у него перед носом. Они почему-то не верят в то, что «мишки» хотят нас оккупировать.

И они, конечно, уверены, что мы найдем для Урсулы выход из безвыходного положения. Мы ведь – семья. У нас Дик. У нас десять пьяных адвокатов прямо здесь.

То, что нам может оказаться совершенно неинтересна заведомо дохлая медведица, пусть и очень пушистая, никому в голову не приходит.

Если меня сегодня действительно попросят сплавить Урсулу с глаз долой в Латинскую Америку – не удивлюсь. Семья уже сделала для нее все, что можно. Дальше помочь нечем. Значит, нет медведя – нет проблемы. Дик принимал такие жесткие решения не раз. Бывали этически неоднозначные ситуации, когда человека жалко, а помочь ему никак, и все вздыхают, и все мнутя, – и дед брал на себя ответственность за разрубание узла, и тогда все вздыхали уже с облегчением, я знаю. Почему семьи ценят патриархов: «дедушка старый, ему все равно», он знает, когда прикинуться бессердечным, чтобы молодым не пришлось тащить эту ношу.

Алан достает фляжку и встряхивает ее.

– Дерьмово обстоят дела, вот что я скажу.

– Увы, совсем ничего не осталось?

Алан ухмыляется и прячет фляжку.

– Пойдем, Грег, я налью тебе из багажника, обладающего правом экстерриториальности. Там спрятана настоящая дипломатическая заначка. Ты сможешь придумать шикарный скетч. Мы стоим на русской земле, протягиваем руку через границу – и достаем бутылку прямо из Великобритании. Представь, сколько тут кроется забавных казусов...

– Бенни сделал это, – говорю. – Бенни запузырил такой казус – долго придется расхлебывать.

– Вот пойдем и хлебнем, – говорит Алан.

Хлебнули из багажника – действительно вещь там спрятана у досточтимого сэра, – и Алан спрашивает:

– Как думаешь, Дик догадался, что она сделала? Или решил заморочить Русакову голову?

Пожимаю плечами. Дик такой, он может. И первое, и второе.

– Я просто волнуюсь за Бенни, – объясняет Алан. – Как бы его сегодня не затюкали. А парень совсем один и ему плохо.

– Там с ним Манга сидит. Она, конечно, не подарок, но с ее чувством справедливости – не даст Бенни в обиду.

– Понимаешь, он в принципе один. Лена и Тор совсем его забросили, а мне как-то неудобно ему навязываться в друзья. Да, он взрослый мужчина, но иногда мы остро нуждаемся в поддержке, а Бенни не умеет ее искать и уж тем более просить. А теперь еще и вся семья против него...

Поднимаю глаза и смотрю на Алана в упор. Был бы трезвым – промолчал бы, но больно странный выдался денек, и я уже навеселе, а к ночи вконец наклюкаюсь. Устал потому что.

– Бенни здорово похож на тебя.

– Спасибо, – говорит Алан и благодарно улыбается. – Но поэтому я лучше других понимаю, как ему непросто. Помню его маленьким – я в детстве был такой же серьезный и замкнутый. У него с возрастом это прошло хотя бы отчасти, а у меня ведь не прошло. Меня только Лена расшевелила. Я здорово ей обязан – и тем, какой я нынче есть, и своей карьерой... кстати, мужем я все равно оказался никудышным и был бы Бену дрянным отцом. До этого надо дорасти. Я только сейчас дорос. Вижу, ты понял... Скоро начну вас потихоньку знакомить. Она тебе понравится.

– Пусть у тебя все получится, – я жму ему руку, и становится тепло. – А насчет Бенни... Его сегодня покусают, конечно, но в итоге простят, мне так кажется. Если Бенни поставил все на карту, чтобы спасти какую-то инопланетную медведицу, значит, дело того стоило. Дик с этим разберется. Я в Дика очень верю, он и не такое разгребал. Хотя его поломанные руки-ноги уже из области старческого маразма, но... Урсула появилась очень вовремя: скучающему патриарху будет, чем заняться!

Кабеля поперек дороги уже нет, и это радует. Возвращаюсь за стол, плюхаюсь на свое место, благодарю Бенни и Мангу, что не поубивали друг друга, гляжу новыми глазами на Урсулу. Только что отгремел новый тост за дедушку – и снова Дик с Урсулой секретничает, опять со сладкой улыбочкой, старый лицемер. А несчастнейшая из смертных держит ушки бодро, мордой выражает глубокую заинтересованность и полное благодушие – ну железная выдержка у нее. Или я чего-то не понимаю.

За что «мишку» сейчас могут выгнать из стаи? Это можно спросить у Бенни, да только фиг ему, пускай сидит и мучается. Заслужил. Я ему сегодня много чего сказать хочу, и все не по теме...

– Григорий, ну делай же паузы. Или половинь хотя бы.

– А если мне с собой трезвым – скучно? Манга, я же в промежутках от работы до работы – невыносимо скучная личность. Я похож на человека, когда играю или когда выдуываю. А в паузах – тоска сизая.

Не кривлю душой ни капельки. Ведь так оно и есть: скучный тип с тоскливыми глазами. От баб отбою нет, только жить со мной никто не остается. Как увидят эти глаза – прости-прощай. Спинным мозгом чувую, на что напоролись.

Только не подумайте, что это трагедия. Это комедия. Пока еще. Дальше будет хуже.

– Послушай, но тебя так любят...

– Меня любят не за унылую физиономию, верно? Любят за веселую. Которую я делаю для публики. Ради публики. Чтобы людям было хорошо. А я потом как выжатый лимон – и мне грустно.

– Но ведь это замечательно!

– То, что мне грустно?

– Дубина! Оглянись вокруг! Посмотри, сколько наших черт знает чем занимается, чтобы создать какие-то новые смыслы – и с огромными усилиями, чуть ли не через задницу донести их до народа! А у тебя все напрямую. Прямой контакт. Счастья ты своего не понимаешь!

Какая все-таки Манга до отвращения правильная. И ужасно привлекательная в своей анимешной ипостаси. Да чего там, просто красивая. Пожалуй, надо мне и в самом деле малость просохнуть, а то сейчас вовсе растаю от нежности, целоваться полезу, а ей только этого и надо, давно готова.

Нет-нет, я еще помню времена, когда Мангу звали Сашкой, и он, сволочь, мне хоккейной клюшкой между глаз заехал, едва нос не сломал. Если сильно напрячь память, я, пожалуй, вспомню его хитрую, смазливую и вполне русопятую детскую морду. Но последнюю четверть века это шикарная анимешная деваха, из тех, кого зовут «свой парень», а еще высококлассный переводчик и эксперт по деловым контактам с Дальним Востоком. Имеет невинный с точки зрения японцев сдвиг по фазе на почве хай-тека: дома в Киото у Манги целая свора киберсобак и два кибермужика. Не потому что такая вся из себя хиккимори, а просто ее стервозный характер даже собаки не выдерживают. Прекрасный человек и замечательный друг, уверяю вас, просто ярко выраженная сука – ну, бывает. Она и за Урсулу готова подписаться обеими руками не столько по доброте душевной, сколько от бессознательной тяги подминать под себя все хорошее, до чего может дотянуться, потом сколотить из этого хорошего стаю и начать стаей мудро руководить. Ну, ей кажется, что мудро. Спорим, моя дурацкая идея на полном серьезе взять в семью «мишку» сейчас прямо-таки бродит, пузырится и булькает в красивой Мангиной голове.

Дик жалеет Мангу, говорит, она какая-то неприкаянная выросла, и вся ее японщина – просто метод компенсации психики, бегство от незалеченных проблем. Некоторые наши слегка побаиваются с ней общаться. Любуются издали, а душевно поговорить – не получается. Все признают, что Манга «свой парень», но уж больно она прямолинейная, а временами и грубоватая, язык без костей. Ну да, мы друг другу принципиально не врем, только совсем хамить-то не надо.

А я привык. Я ее не боюсь ни капельки, мудро руководить собой не дам, она это понимает и, как ни странно, высоко ценит. Только обижается, что я, с моим-то профессиональным слухом, даже не пытаюсь выговорить ее японское имя и зову подругу детства, в лучшем случае, Мангой, а в минуты раздражения – госпожой Кусаки.

Приставать к ней с нескромными предложениями мне мешает только одна причина: я-то знаю, насколько Манга одновременно ранима и зверски серьезна. Поэтому мужики и собаки, с которыми она живет годами, – механические. С Мангой нереально разок заняться любовью, чисто от хорошего отношения, и назавтра разойтись друзьями, она не поймет. Она решит, что ее предали. Семья потеряет этого ценнейшего человека навсегда. И я потеряю.

Иногда я думаю в сердцах, что она просто тупая, а потом долго гоню от себя мысль, до чего же это похоже на правду...

Тут с дальнего конца стола подваливают мои, точнее, делегация от моих – папуля с Виктором. Женщины салютуют бокалами, мама подмигивает, мол, все прекрасно. Мама, пожалуй, самая яркая здесь, и это очень приятно. А живет яркая женщина тихо-тихо, незаметно, надо просто знать, какой она сильный терапевт. У мамы все хорошо сложилось, она никуда не рвется и ни о чем, кажется, не жалеет. Знаменитых тут и без нее хватает.

А эти двое нависают надо мной со значительными лицами и принимаются разглядывать, да так сурово, что вокруг голоса стихают, и все оборачиваются в нашу сторону.

– Какой он все-таки у нас замечательный, – говорит папуля Виктору.

– Прекрасный, – отзывается Виктор.

– Мы – молодцы.

– Безусловно.

Они чокаются, выпивают, круто поворачиваются и уходят. Вслед им несется дружный хохот и аплодисменты.

– А я все думал, в кого ты такой артистичный, – говорит Бенни. – В обоих, значит.

– Ну, все-таки в папу, но без Вити я бы не состоялся. Папуля задавал общее направление и поддерживал в трудные минуты, а Витя-то, извини, меня растил день за днем. Как говорится, отцы приходят и уходят, а отчимы остаются...

Кстати, Виктор и терпел меня день за днем тоже, редкой деликатности и доброты человек. Я папу обожаю, это личность, но сейчас понимаю, как правильно он сделал, что вовремя ушел. Он бы меня регулярно обламывал. А так у меня просто образовалось два комплекта родителей, и я заметно этим избалован. У Бенни по-другому. Со слов Алана выходит, что Тор очень вовремя подстраховал его, но самого Алана не было поблизости, когда Бенни рос. Это зря.

– А твои-то где? – спрашиваю.

– Да как обычно, – Бенни разводит два пальца, один вверх, другой вниз.

– С тетей Леной все понятно, а Торвальд мог бы и вынырнуть по такому случаю, – вворачивает Манга. – Заодно бы вправил кое-кому мозги.

– С пяти километров выныривать не так просто.

– Какие все занятые, – Манга фыркает. – Налей мне, Гриш. Почему у твоей дамы пусто?

А еще Гамлета играл...

– Я?! Никогда я Гамлета не играл. Мне до Гамлета расти и расти. Ты вообще за мной следишь?

– А ты за мной – следишь?

Пообщались, называется. Покоммуницировали.

– Вот скажи мне, Бенни, как социолог, – требует вдруг Манга. – Чем все это кончится?

И обводит бокалом вокруг.

– Вы за мной тоже не следите, – говорит Бенни. – А я уже три года как все расписал.

Мне тогда предложили работать с «мишками», надо было решать, и тут я понял, что готов закрыть тему, подвести итоги. Опубликовал большую работу. Получил в ответ ушат помоев на голову от благодарных читателей. Ну, какой текст, такая и ругань – масштабная.

– Извини, я только сценарии читаю. Совершенно дикий в этом смысле. А Манга...

– Давай, не тяни, – говорит Манга.

– В общем, наша семья – ненормальная.

– Удивил! – смеемся мы хором.

– Да не в том смысле. Атипичная она. Почему Урсула сейчас так к Дику прилипла – видите? – потому что это феномен. И вы феномены, и все остальные за этим столом. У нас базовая парадигма – нематериальная. В то время, как нормальная серийная семья, где контакты не теряются с разводом партнеров, а только надстраиваются – прообраз будущего владетельного рода. Их тысячи, и они все одинаковые. Одна наша такая долбанутая.

– погоди, они надстраиваются, чтобы набрать побольше сил? И только-то?

– Именно. Говорю же, будущие владетельные кланы. Все очень продуманно, очень просчитанно...

– Новая аристократия? Боже, как скучно.

– ...и невыносимо скучно. Ты совершенно права. И еще они постоянно лицемерят перед собой и родственниками. Живут в атмосфере привычной повседневной лжи. Такие серийные семьи абсолютно утилитарны, у них нет каких-то принципиально новых задач. Они не порождают новых смыслов, как наша семья. Ну и чем это отличается от династических браков, например? Это откат в Средневековье, а не движение вперед.

– Тогда понятно, за что тебя ругали, – кивает Манга. – Ты же их носом в зеркало ткнул. Молодчина. А я думала, ты дурак вроде Гришки!

– А сама ты что твердила? – тут же набрасываюсь я на Мангу. – Решать проблемы, решать проблемы, через два рукопожатия выходим к президенту... Не для этого семья! Родственников не выбирают, да? А мы – выбираем!

– Да не в этом дело, – перебивает Бенни. – Главное, у нас критерий отбора другой. Все выбирают новых родственников, и весьма придирчиво, даже тщательнее, чем у нас. Но именно с целью решения возможных проблем, расширения влияния, объединения сил и слияния капиталов. И полезного в этом смысле, но не самого приятного человека будут терпеть. Постепенно число неприятных людей в структуре нарастает, вместе с этим растет необходимость лицемерить и врать, и внутри семьи копится напряжение, которое может найти самый неожиданный выход, вплоть до убийства. А теперь оглянитесь: ну, кому тут в рожу плюнуть? Если только мне...

– Тебе-то за что? – удивляется Манга.

– Сама говорила.

– Да забудь, уже простила.

– Тогда я сам себе плюну, – говорит Бенни. – Потому что я в семье – урод. В любую другую вписался бы, а здесь – чужой.

– Да какой ты...

– Чужой, – говорю. – И я с самого начала был против того, чтобы тебе давали прямые контакты и аварийные коды. Ты бы просто не смог ими воспользоваться, что и доказал сегодня. Но меня, конечно, не послушались. Меня никогда никто не слушается. Ну кто я – клоун...

Манга смотрит, что называется, большими глазами. Хотя куда уж больше. А Бенни спокойно кивает.

– У меня социофобия. Одна мысль о том, что надо кого-то попросить о чем-то, доводила меня в детстве почти до слез. Молодые люди с этим борются, и самый типичный путь – найти профессию, которая заставляет тебя активно общаться. Многие идут в репортеры, я вот стал социологом, и даже неплохим. И если это надо для дела, я покойника растормошу. Пока еще могу растормошить, с возрастом фобия усилится, придется забыть о полевой работе... Но попросить о чем-то ради себя – меня клинит, как в детстве... Поэтому, Гриша, у меня нет ни прямых телефонов, ни аварийных ключей – я их стер в тот же день, когда мне их торжественно вручили. Ты прав, я не смог бы ими воспользоваться. Что интересно, в типичную серийную семью я бы вписался, заставив себя лицемерить. Притворился бы тем, кто я есть – исследователем. Играл бы роль. В нашей семье играть нельзя, она ведь создавалась, чтобы люди были собой, раскрывались, становились свободнее, добивались многого. И я вижу, как это работает. Здесь сейчас человек двадцать, у которых не было шансов, но семья их вытянула. Манга, можно совсем прямо?.. Годам к двадцати ты должна была покончить с собой минимум три раза – убивала бы себя, пока не получится. А ты, Гриша, уже загнулся бы от алкоголизма...

– Думаю, раньше, к восемнадцати, – кивает Манга.

– Не дождетесь, – фыркаю, но сам понимаю, что Бенни только со сроками промахнулся: ну действительно, не так-то просто убить меня водкой.

– Тебя не вытянули, – произносит Манга без выражения.

– Нельзя вытянуть всех, и так результаты прекрасные. А со мной... Дело даже не в родителях, которые всегда были немножко слишком заняты собой. Фобия на то и фобия, что с ней почти невозможно справиться. Слушайте, да не смотрите так, у меня все нормально. И будет нормально, просто пора уходить. Наша семья не терпит притворства. Я тут сегодня пытался врать, и вы меня раскололи. В нашей семье ложь не органична, она сразу видна.

Семья не для этого, она для счастья. Ты угадал, Гриша, нынче в команде замена. Вместо выбывшего социолога Нордина на поле выходит социолог Нордин. Он гораздо лучше меня – ему незачем притворяться кем-то, кем он не в состоянии быть.

– Я же ее в Гондурас везу, – бормочу тупо.

– Нет, спасибо. Мне только что дед позвонил, – Бенни щелкает пальцем по мочке уха. – Гондурас отменяется, начинается... Новая история. А я побежал. Спасибо за все, друзья.

И он встает и уходит. Мы провожаем его глазами в полном опупении, не зная, что делать, – не принято у нас хватать людей за фалды. А он выходит за дверь и пропадает.

– Твою мать, – говорит Манга, – мы его так просто отпустим?!

– погоди-погоди. Секунду. Дай оглядеться. Где Дик?

В комнате дым коромыслом, несмотря на распахнутые окна; на веранде вовсю пилят хард-рок; за окном мелькает длинный красный силуэт – машина уехала. Дика в комнате нет, Урсулы не видать, Макмиллана тоже нет, и принципиально трезвый Аким куда-то запропастился. Правильно, тут на автоматике не особо поездишь, дороги не те, нужен живой пилот...

– Ты все равно не отстанешь, – говорю Манге, – так что побежали. Надо прояснить один вопрос. Только сама не лезь в разговор, потому что ничего не знаешь толком, а я тебе потом расскажу, честное слово.

Мы выскакиваем на веранду, спотыкаемся о кабель и падаем. Зачем он снова здесь? Манга грациозно перекачивается и вскакивает, как резиновый мячик, а вот я ушиб колено. Ругаюсь матом, но меня не слышно из-за музыки, если этот трэш можно назвать музыкой, конечно.

Бенни мы ловим, когда он уже выезжает с парковки.

– Пара слов, – говорю. – Только пара слов, не больше. И чтоб ты сразу понял... Доктора ты уговаривал ради дела?

– Ну не для себя же, – Бенни криво ухмыляется. – Значит, ты полностью в курсе... Дед сказал, что – да, но не объяснил, насколько.

– Кое-кто из дипломатического ведомства считает, что тебе с такими талантами надо было служить в разведке.

Бенни пожимает плечами, и тут настает моя очередь делать большие глаза. Я все-таки актер и многое вижу. Зацепила его эта фраза. Ладно, плевать.

– Бенни, за что ее вышибли?

– Она научилась врать.

– Мать твою... – не выдерживает Манга.

– Да я сам офигел, – Бенни хмыкает. – Она очень талантливая.

– Доэкспериментировалась? Эх, вы, грамотеи ученые...

– Если бы. Смотри, как было... – Бенни глушит двигатель, выходит из машины и садится на капот. Заметно, до чего он измотан.

– Концепцию лжи «мишки» понимают, как никто. Но на себя они эту концепцию никогда не примеряли. С их телепатическими способностями это бессмысленно, они же видят друг друга насквозь. Они способны молчать, и только, молчать даже мысленно, но врать... Им просто ни к чему. У них и так все прекрасно. Ну, им так казалось. Потому что до встречи с землянами они не имели дела с массивным враньем. Они работали с непониманием, нежеланием договариваться, разницей в культурных кодах... Да, это все подкреплялось ложью так или иначе. Но тут они впервые увидели тотально лживую цивилизацию, запутавшуюся в самообмане. И две страты: правители, которые врут, и народ, который ненавидит правителей за то, что те врут. Но стоит человеку из нижней страты пролезть в верхнюю, он принимается врать изоощренно и виртуозно. А главное, мы правила игры меняем ежеминутно, и верить нашим обещаниям нельзя. Как с такими чудовищами разговаривать,

непонятно. Как их вписывать в сложившуюся систему отношений – черт знает. А мы же лезем во все дырки, мы чего-то хотим, мы молодая цивилизация, у нас период экспансии. И мы брыкаемся, не желая признавать правила общежития. Нас, таких диких, в конце концов и прихлопнуть могут... Я не шучу, если всех вконец запугаем – могут. Та ахинея, которую несут наши политики, – ее ведь принимают за чистую монету. Нас уже реально побаиваются, и многие откровенно рады, что мы пока летаем плохо и недалеко. В общем, с нами что-то надо делать, и «мишки» как профессиональные посредники вдруг оказываются крайними. От них все хотят, чтобы они нам объяснили: в глубокий космос не пускают мошенников, там надо соблюдать договоренности и работать сообща. «Мишки» лихорадочно ищут решение, не находят его – и не найдут, я уверен, никогда, мы сами раньше справимся... Но по ходу дела они начинают обсасывать земную концепцию дипломатии. У нас все манипулируют всеми. А почему бы, собственно, не начать манипулировать нами, раз мы такие умные? Обратить наше оружие против нас – ради благого дела, разумеется. Но для этого мишкам надо научиться врать. И старейшины обращаются к способной молодой исследовательнице – попробуешь? Мы просто хотим поглядеть, будет ли из этого толк. Она изучает вопрос несколько лет, тренируется в Москве, в этом вселенском центре лжи. Она действительно очень способная. Тут надо не просто досконально знать психологию и физиологию двух очень разных рас, требуется еще и недюжинный актерский талант. Она разрабатывает примерную методику – и пробует. У нее получается. Я обо всей этой фигне ничего не знаю: она просто мне не говорит. И три дня назад она демонстрирует старейшинам вранье на всех уровнях: вербально, моторикой и телепатически. Последний момент старейшин просто убивает. Им и первые два не понравились, но врать самому себе в мыслях – то, что на Земле умеют даже подростки, – это для них страшнее, чем для нас питье крови невинных младенцев. С перепугу дедушки приказывают все данные стереть напрочь, сам вопрос забыть, будто его и не было, а единственного носителя чудовищного умения – нейтрализовать. Чтобы, не дай бог, еще кого не обучил, а вдруг ему понравится и волна дальше пойдет, это же для «мишек» полный крах. Убить на месте нельзя, не положено, значит – изгнать. Перед ней даже извинились. Мы, говорят, виноваты, прости нас. Но ясно, что ей хана. Загрызут не сегодня, так завтра... Она приходит ко мне, плачет. Не видел, как «мишки» плачут? Я тоже не видел до того дня. Думал, сердце разорвется. Этот плач сымитировать невозможно – чисто физиологический процесс, вроде предсмертного крика у наших зайцев. И, значит, она сквозь слезы говорит: да я бы сама сдохла, раз все так плохо, только мне сейчас нельзя...

Бенни смотрит на часы, зачем-то глядит в вечернее небо – а я и не заметил, как солнце к закату клонится.

– Ты чего? – спрашиваю.

– Чего-чего, боюсь, вот чего. Всего боюсь. Отходняк у меня.

– Может, останешься до завтра? – Манга осторожно спрашивает. – Давай я скажу, чтобы в гостевом домике постелили, как раз один еще свободен. Хоть поспишь на свежем воздухе, на тебе же лица нет. Тут знаешь, как спится? Погоди, я сейчас...

– Нет, спасибо, я поеду, пока Дик с Аланом не вернулись. Вы поймите меня правильно, я не могу с ними говорить, сил не осталось, да и нежелательно это.

– Пока не забыл... Алан давно хочет тебе позвонить, но не хочет навязываться. Что-нибудь сказать ему?

Бенни забавно хлопает глазами от неожиданности.

– Через полгода, – говорит он наконец. – Конечно, конечно, я буду очень рад, так и передай ему. Но только через полгода. Мне сейчас лучше исчезнуть из-за всей этой истории, я буду просто недоступен. Ничего, ребята, продержаться надо шесть месяцев, а там все переменится.

– Почему?

– Потому что Урсула беременна, идиот! – шипит Манга. – Как ты не понял еще?
– Елки-палки... – только и говорю я.
– Будет двое или даже трое «мишек» с земным гражданством.
– И с фамилией – гы-гы! – Нордин!
– У шведов фамилия по матери дается.
– Для этого надо родиться в Швеции, – авторитетно возражает Манга. – А потом, фамилия матери все равно Нордин!

– Вот я попал! – говорит Бенни.

И мы впервые за последний час, а то и больше – смеемся.

Двое или трое «мишек», которых не выгонишь с планеты. Существа, которые не будут врать, а мама их не научит. Маленький шажок одного человека – и гигантский скачок всего человечества. Теперь нашей семье есть, чем заняться, на столетия вперед. И огребать за это по полной программе. По головке-то не погладят, ой, не погладят.

Оказал нам Бенни поистине медвежью услугу. И деваться некуда.

– А знаешь, почему она попросила меня о помощи? – говорит Бенни. – Ситуация вроде безвыходная, и она приходит ко мне. Держи челюсть обеими руками, артист. Эта «мишка», научившаяся врать, обращается не к землянину-пройдохе, который всех надует и таким образом спасет ее детенышей. Вообще наоборот! Она сказала: я знаю, ты из семьи, где люди похожи на нас, где не лгут!

Против его ожиданий, ронять челюсть я не собираюсь.

– Ну, шикарная манипуляция, – говорю.

– Ты так думаешь? – Бенни настораживается.

– Ты за ушами ее следил?

– Она плакала! – говорит Бенни строго.

– Она не добавила что-то вроде: «Вам же приятно будет растить маленьких пушистых медвежат? Они такие хорошие, когда маленькие! Такие плюшевые!»

Бенни отчетливо бледнеет и молча лезет в машину.

– Тебе надо как следует обдумать это все, да? – успеваю я бросить ему.

Дорожка тут песчаная, машина поднимает небольшую пыльную бурю, мы чихаем и плюемся.

– Вот ты сволочь-то! – говорит Манга восхищенно.

– Чего я сволочь? Мы же не врем! Я ему все, как на духу, высказал... Лишь бы он теперь не врезался от избытка чувств, спаситель человечества...

– Послу-ушай, – тянет Манга, голос у нее садится, и она вдруг прижимается ко мне. – Но ведь нам приятно будет растить маленьких пушистых медвежат?

Это до такой степени не игра, что я отвечаю совершенно искренне и немного раньше, чем успеваю подумать:

– На хрена нам медвежата, мы что, не можем своих нарожать?

Занавес падает: это Манга пробивает мне снизу подбородок и, вероятно, глумится над моим трупом, но таких подробностей я уже не вижу.

Прихожу в себя, лежа под одеялом в гостевом домике, весь заплаканный. Надо мной сидит убитая горем Манга, ревет в три ручья из своих нечеловечески огромных глаз и причитает:

– Прости меня, Гришенька, дуру пьяную, это я на нервной почве, я же бесплодная, у меня яйцеклеток не-е-ту...

– Да иди ты, – говорю, – в пень со своими яйцеклетками, что стряслось-то?

– Это я тебя уда-а-ри-ла, любимый мой, ненаглядный... Из-за ме-две-жа-ат...

Час от часу не легче, думаю. Какие медвежата? Кто-то здесь окончательно рехнулся. Задолбала наша веселая семейка, идиот на идиоте, один с крыши падает, у другого социо-

фобия, третий сыну родному позвонить боится, а у этой вон медвежата – пора валить отсюда подальше на гастроли. Правда, от Манги я все равно никуда не денусь, я же ее люблю, она со мной поедет, значит, с медвежатами надо разобраться: о чем ты, милая Хитоми? Тут Мангу совсем порвало, и последнее, что помню более-менее отчетливо, – как молниеносно слетает с нее кимоно.

К сожалению, я головой стукнулся, когда падал, и уехать не вышло, а вышло попасть в ленту новостей: «Известный комический актер получил сотрясение мозга на юбилее дедушки, который сломал ногу и руку!» Манга в порыве самобичевания растрезвонила всей семье, как она меня ударила. Папуля сказал Манге, что в следующий раз открутит ей голову и сядет в тюрьму счастливым человеком, ибо ему надоело смотреть, как она меня уже тридцать лет беспрестанно калечит. Дядя Миша, отчим Манги, сказал, что сам ее прибьет – ты не беспокойся, мне и за прошлый раз по сей день совестно. Манга красиво падала на карачки и божилась, что лично зарежется, а лучше кого-нибудь зарежет во имя меня, чтобы доказать свою преданность и чистоту помыслов. «Я так и знал, что ты долбанутая, – сказал папуля, – и Гришка тоже долбанутый, если до сих пор с тобой водится, ну что за семья, идиот на идиоте», – и они с дядей Мишей ушли похмеляться. А со мной сидела мама. Она с утра пахла свежестью и шампанским. Я прямо детство вспомнил.

Мама сказала, что сотряс ерундовый, но в моем возрасте совершенно лишний. И дальше надо будет голову беречь. А потом осторожно спросила, почему нас с Мангой так волнуют медвежата, что мы из-за них подрались, как маленькие. Я честно сказал: понятия не имею. Ну-ну, сказала мама, Манга, конечно, девка боевая и разносторонне талантливая, метко бьет в челюсть, но ей уже за сорок, она принципиально бесплодная и с капитальным прибабахом. Так что в следующий раз, сынуля, если уж ты без нее жить не можешь, хотя бы бей первым, ладно?..

Про медвежат я вспомнил по-настоящему только когда они родились. Воспитывать их нам не пришлось, конечно, хотя они часто бывают у нас в гостях. А мы взяли к себе дочку Бенни, который, бедняга, разбился на машине вместе с женой; годовалая девочка уцелела чудом. Убитый горем Алан сказал, что, по его информации, не все спецслужбы видят будущее Земли одинаково, и Бенни прихлопнули, чтобы передать горячий привет от одной конторы другой. Тем более, он был не кадровый, а просто вербованный, и после истории с медвежатами, которую провернул самовольно, потерял доверие.

Урсула много раз пыталась познакомиться со мной поближе, но я не хочу с ней говорить. Просто не хочу. Она хорошая, она вообще героиня, но я вижу в ней какой-то надлом, и мне будет слишком больно разглядывать его вблизи. Кажется, она никогда не простит себе, что согласилась на тот эксперимент. Но я-то знаю, что у нее не было выбора: «мишки» очень иерархичны, и вежливая просьба старейшин для них равна приказу. Это совсем не то, что у людей, которые тоже по-своему иерархичны: любят прятаться за спинами старших, когда надо сделать неприятный выбор. В общем, мне Урсулу жалко, как жалеют обреченных, а она еще утянула за собой в эту обреченность сначала Бенни, а потом всех нас. И даже Дик, с его способностью рубить наотмашь во имя общих интересов, не помог: на кону стояло нечто большее – доброта и тяга к правде, без чего наша семья и не семья вовсе, а как у остальных, банда.

«Мишек» на Земле живет постоянно уже несколько тысяч, и их все чаще приглашают в посредники. Это становится модно. «Ну просто чтобы не было недопонимания», – скромно говорят люди.

А вот такое ненормальное семейство, как наше, по-прежнему одно.

Правда, оно «слегка выросло», как это называет Дик.

С тех пор, как старейшины, впечатленные подвигом Бенни Нордина во имя спасения невинных детенышей, признали ошибкой изгнание Урсулы, в семью по умолчанию вписаны

все «мишки», готовые признать себя нашими родичами. Таких набралось миллионов двадцать, остальные просто еще не успели, я думаю.

Мне кажется, ни одного «мишку» больше не отправят в изгнание, ведь он моментально найдет себе новую стаю, и мы его примем – если, конечно, не натворил чего-то незаконного по человеческим понятиям. Как минимум, он сможет отсидеться у нас под крылом, пока старейшины не поймут, что дали маху. Мы не боимся перемен и экспериментов – и «мишки» достаточно умны, чтобы учиться этому у землян.

И никто из нас, в какой бы уголок обитаемой Вселенной его ни занесло, не останется там без семьи.

Алекс Громов, Ольга Шатохина

История моей пары

1. Место для влюбленных

В каждом крупном городе современного мира есть улица, на которую может попасть не каждый. Точнее, каждый, будь то он или она, может посетить ее раз в жизни. Сегодня у меня как раз такой день. Мы с Анной идем на Улицу Встреч. В официальных документах она фигурирует как «Ретро-квартал», или «Место для влюбленных».

Да, разрешите представиться. Меня зовут Виктор, мне недавно исполнилось 22 года. Специалист 22-го уровня из 38 существующих, государственный менеджер нижнего звена. Мечтаю, конечно, достичь первой категории, хотя и понимаю, что это пока мечты. Даже для того чтобы получить 20-й уровень, нужно стать полноценным гражданином. А уж на статус привилегированного гражданина и продвижение выше 15-го уровня вправе рассчитывать только те, в чьей ячейке родилось не менее двух детей. И это правильно, ведь рождение детей пробуждает в людях высокую социальную ответственность. Ты не можешь не заботиться о мире, в котором растут твои дети.

Золотоволосой Анне недавно исполнилось 18. У нее 28-й уровень. Я выше Анны на 10 сантиметров, что давно считается оптимальным соотношением для получения полноценного потомства. Она прекрасна и вполне достойна быть моей парой. И я сегодня ей об этом обязательно скажу. Поскольку выбирающий пару мужчина отвечает за себя и потомство. Только человек может утвердить выбор, сделанный машиной с точки зрения наилучшего сочетания психологических характеристик и генетического кода. Отказавшийся теряет право на продолжение.

2. Спустия три часа

Мы с Анной встретились в ухоженном сквере перед изящной стрельчатой аркой и, осторожно взявшись за руки, миновали ее. На той стороне навстречу вышли двое – молодая красивая пара в церемониальных нарядах. Нам выдали отпечатанную на бумаге – оказывается, такое еще бывает! – карту квартала. Предупредили, что гаджеты здесь не действуют. Я раньше думал, что такое бывает только в суде и на специальных заседаниях. В нашем учреждении комната с блокираторами есть только у директора, точнее, находится в полном его распоряжении. Ведь чипы не только передают всю необходимую информацию, но и предупреждают внезапные приступы болезней, и даже вспышки эмоций. Отключение от трансляции и служб контроля возможно только в специальных экстренных местах.

– Мне как-то не по себе без направляющей трансляции, – проговорила Анна. – Я привыкла быть на связи с миром.

– Но зато мы теперь вдвоем, – отозвался я. – Как будем потом вдвоем без свидетелей...

– Но наши гаджеты всегда останутся с нами.

– А наши гармоничные отношения – только нам.

– Как здесь хорошо!

На Улице Встреч никогда не бывает дождя. Сейчас мы могли убедиться в этом сами. Здесь всегда благоухают пышно цветущие клумбы, а во множестве магазинчиков можно найти подарок для своей пары на любой вкус. Например, кольца-трансформеры. Они продаются только в комплекте и замечательны тем, что когда ты меняешь свое кольцо, анало-

гично меняется и кольцо твоей пары. Существует даже специальный язык трансформеров, подобный романтическому языку цветов или вееров, существовавшему в старину.

Есть и другие подобные комплекты – скажем, кашне и шейный платочек, булавка для галстука и заколка. Обязательный атрибут правильной ячейки – фарфоровые статуэтки, изображающие пару, причем лица у фигурок будут наши. Конечно, подобные вещи весьма недешевы, но это необходимо для формирования душевного равновесия пары и зрительного воплощения гармонии. Отрадно, что при этом используется и настоящее искусство...

В одном из залов на Улице Встреч расположен Музей двоих. Его невозможно не найти – все маршруты, отмеченные на нашей карте, обязательно проходят через все его залы.

Я попросил тех, кто нас встретил, быть нашими экскурсоводами, но они деликатно отказались. Оказывается, по инструкции посторонние могут общаться с парой только в момент покупки или в иных предусмотренных особым перечнем ситуациях. Все остальное пара должна пережить сама. Поэтому нам вкратце поведали о музее, а потом оставили одних среди экспозиции, дабы не мешать правильным эмоциям и переживаниям.

3. Оглядываясь в суровое Прошлое

Музей представлял собой анфиладу небольших апартаментов, в каждой комнате находились пластиковые силуэты, диаграммы и документы, связанные с отношениями пар в тот или иной отрезок времени.

Первый зал был посвящен концу так называемой бесконфликтной эпохи. В это время люди имели между собой странные отношения. Дети были частной собственностью, а вырастая, становились свободными и могли сами завести себе детей в собственность. Разумеется, это не могло не породить конфликты, как частные, так и общественные, а в итоге и межгосударственные.

Стены зала были расписаны пугающими картинами. На фоне зарева пожаров мужчина в доспехах вырывал яйцо из рук рыдающей женщины и бросал его со стены древней крепости. Так поступали завоеватели во взятых городах. Другая картина изображала бедное жилище – в углу жались, прячась за юбку изможденной женщины, бледные дети, а на первом плане мужчина со следами всех пороков на лице рубил яйцо топором. Картина называлась «Нам его не прокормить!». Тут же на цветной диаграмме приводились данные, скольких гениев в результате таких действий лишилась наша замечательная цивилизация.

В другом зале под транспарантом «Женщина – воюющая и воспроизводящая» стояли суровые, облаченные в хаки и вооруженные до зубов фигуры феминисток, интересно, что в петлицах у них вместо ромбиков был новый знак, больше никем не использовавшийся, – пробирка. Чем больше пробирок, тем выше звание. В результате восстания нью-йоркских феминисток резко сократилось поголовье мужчин.

Красочная диорама показывала весь путь женской армии через весь американский континент к истокам Амазонки, где они собирались возвести памятник своим предшественницам-амазонкам и построить всепланетный инкубатор для детей, рожденных из пробирки. Казалось, судьба мужчин предрешена. Всего за 54 года мужское население сократилось на 40,2%, но катастрофа, случившаяся в амазонском инкубаторе, разрушила планы феминисток.

4. Кровь и слезы столетий

В следующем зале нас встретили фигуры Печатников. Эта секта тоже хотела завладеть землей, и ей почти это удалось. Во главе нее стоял Хахус, друг Макаренко, разработчика 3D-принтера для живых существ. За 14 лет население планеты увеличилось на 84%, из

которых 80% составили дети, распечатанные на 3D-принтере. Но безответственные организации, большинство из которых позже было признано экстремистскими, начало печатать на принтерах так называемых усовершенствованных людей, в натуре которых были, по словам этих авантюристов, внесены необходимые позитивные изменения. Но это были не настоящие люди, а мутанты.

Ученым удалось выявить, что мутационные гены имеются в каждом из живых существ, распечатанных на 3D-принтере, независимо от того, какие гены отца и матери при этом использованы. Это явление получило название «парадокс Голема».

В витринах музея можно было увидеть и фотографии квадратных яиц-мутантов, документальные свидетельства прокатившейся по всему миру волны погромов родильных домов и акушерских отделений больниц. Ведь это было жестокое время. Возникла и мгновенно захватила сознание взбудораженных масс теория всемирного заговора акушеров, намеренно вносящих искажения в генотип и провоцирующих мутации в уже появившихся на свет, до того нормальных яйцах. Многие были уверены, что массовые мутации появились как побочный эффект секретной разработки по созданию универсальных солдат Будущего.

На большом панно был изображен драматический момент, когда толпа, скандировавшая лозунги «Свобода, равенство, братство», захватила элитный медицинский центр «Башня 31». Мятежники требовали для всех равных прав на размножение. Директор центра Степан Грачикович, попытавшийся убедить толпу, что благополучное размножение – это роскошь, которая не может стать всеобщим достоянием, был выброшен из окна своего кабинета, а потом утоплен в живописной речке, протекавшей по больничному парку.

Против акушерки Надежды Леонтьевой выдвинули обвинения в том, что она намеренно провоцировала у женщин преждевременные роды, что приводило к появлению нежизнеспособных яиц. Причину обвинители видели в том, что на подобные яйца был огромный спрос у производителей люксовой косметики и уникальных медицинских препаратов. После скандальных публикаций в различных СМИ Леонтьева была растерзана разъяренной толпой прямо на остановке общественного транспорта.

Самое грустное – в результате беспорядков и погромов миллионы яиц были разбиты или просто погибли, оставшись без присмотра и заботы.

Особый стенд был посвящен подвигу самого Александра Макаренко, который в одиночку сумел остановить толпу и тем самым уберечь от уничтожения яйца, находившиеся в одном из родильных домов, и спас персонал медицинского учреждения.

Обычай домашнего воспитания детей был упразднен после эпидемии синдрома внезапной детской смерти. Тогда же из обихода исчезла привычка содержать дома каких-либо животных: было установлено, что они являются носителями микроорганизмов, способных стать причиной внезапной смерти даже у младенцев из правильно выдержанных в инкубаторах яиц.

5. Очищенное Настоящее

Подавленные увиденным, мы вышли из мрачных залов и оказались перед тем самым служителем, который проводил нас в комнату символического очищения. В волнах теплого, благоухающего цветами воздуха мы почувствовали, что хоть нам и пришлось окунуться в угрюмое прошлое, но теперь мы действительно очищены для будущего.

– Желаем вам удачных яиц! – улыбнулся служитель, широко распахивая двери в светлый Зал Современности.

Человечество испокон веков мечтало о счастье если не для всех, то для абсолютного большинства. Потому что обиженные на судьбу – это серьезный фактор нестабильности общества. Как известно, во второй половине XX века и начале XXI предпринимались много-

численные попытки воззвать к сознательности граждан, объяснив им необходимость перехода к позитивному мышлению. И после памятных многим потрясений сравнительно недавнего времени сложилась современная прогрессивная система.

Как известно, женщина производит на свет яйцо. А для того, чтобы из яйца благополучно появился ребенок, его надо высидеть. Для этого существуют специальные инкубаторы, их на всей Земле пятьдесят. Так различные регионы и называются – Земля 1-го инкубатора, 2-го инкубатора. Если тебя правильно высидели, будешь здоровый и красивый, гласит народная мудрость. Каждый живущий имеет при себе символический талисман с кусочком скорлупы того яйца, из которого появился на свет. Самое главное в твоей жизни – твой инкубатор, стая твоих близких, твое родное гнездо. Ведь новая жизнь, заключенная в яйце, так хрупка, она нуждается в коллективной защите. Недаром в предыдущих залах демонстрируются трагические примеры того, как часто яйца становились жертвой намеренной агрессии или роковой неосторожности.

Мы не ограничиваем свою привязанность, как это было в прежние времена, только парой, которая породила нас. Такой подход провоцировал лишь зависть, страхи, войны...

Каждый гражданин получает специальную герметичную рамку, в которой хранится фрагмент скорлупы того яйца, из которого он появился на свет. Мы храним свою скорлупу как святыню. И если какому-то асоциальному субъекту со случайно неотслеженной мутацией по нравственности придет в голову мысль вскрыть рамку, скорлупа будет сразу же дезинтегрирована, чтобы не произошло нарушения уникальности.

В зале современности центральное место занимала красочная карта, на которой были отмечены все инкубаторы мира. Инкубатору нашей земли была посвящена подробная экспозиция. Я снова ощутил душевный трепет, увидев памятный с детства плакат: «Каждое яйцо важно для нашего общего будущего». Былая вражда между родившимся в разных семьях и землях интересует только немногочисленных историков со специальным допуском, который выдается после тщательного тестирования на отсутствие склонности к иллюзиям Прошлого. Без этой проверки всякий исследователь рисковал бы заразиться соблазнительно экзотическим, но совершенно деструктивным и неактуальным подходом к жизни.

Самые отважные представители становятся дельтапланеристами и пилотами дальнемагистральных самолетов. Но это удел немногих. При этом всякий знает, что он должен добросовестно исполнять свой долг перед обществом. А одна из важнейших задач каждого по достижении возраста свободного парения – создать свою ячейку.

У каждого человека есть старший товарищ из того же инкубатора, к которому всегда можно обратиться за советом и поддержкой. И конечно, без отеческой помощи нельзя обойтись в таком важном деле, как начало выбора пары.

По достижении совершеннолетия каждый житель Земли получает электронный жетон-идентификатор. В инкубаторе находится специальное устройство, которое считывает с него информацию и вычисляет максимально подходящую с точки зрения темперамента, здоровья и генетического благополучия пару. Учитывая влияние глубоких архаичных слоев нашего сознания, в которых еще сохранилась информация о временах частной собственности друг на друга и хаотично-произвольного выбора пары без необходимости выполнять условия ее стабильности, по рекомендациям психологов были установлены Дни блаженства.

Так называется лотерея, которая проводится раз в год в каждом инкубаторе. Тот же считыватель, который в обычное время устанавливает пару для каждого обратившегося, случайным образом выбирает троих мужчин и трех женщин. Выигравшие получают самостоятельный доступ к массиву информации о потенциальных парах и могут делать выбор самостоятельно.

Участвовать в такой лотерее можно трижды. Я участвовал уже два раза, но не выиграл. И благодаря мудрому влиянию моего старшего товарища Романа решил третий раз не

участвовать, а позаботиться о том, чтобы устроить свою жизнь как подобает достойному члену общества.

– Вот и молодец, – одобрил Роман, узнав о моем решении. – Надо надеяться, что в следующем поколении все и сразу смогут проявлять такую сознательность. И эта лотерея, уступка атавистическим инстинктам, станет наконец-то ненужной.

6. Мы выбираем

Кроме Улицы Встреч, предназначенной для тех, кто уже готов стать парой, существуют и места посещений для пар состоявшихся, расположенные в самых живописных районах той или иной земли.

Существуют также Резервные Земли – на каждом континенте, обычно с краю, в неосвоенных пока местах. Их еще называют территориями, подлежащими благоустройству в будущем. Чтобы попасть туда, требуются экстраординарные обстоятельства, о которых я, честно говоря, имею самое смутное представление.

Впрочем, нас сейчас это и не должно было интересовать. Выйдя из светлого Зала Настоящего, мы оказались в уютном кафе, где вкусно пахло выпечкой и свежемолотым кофе. Улыбчивая хозяйка поздравила нас с успешным прохождением музея и принесла блюдо с маленькими воздушными пирожными, которые пара может отведать только раз в жизни, в этот самый момент. Их рецепт не известен никому за пределами Улицы Встреч.

Одной из достопримечательностей кафе было старинное пианино, сверкавшее благородным темно-коричневым лаком и украшенное бронзовыми подсвечниками, начищенными до сияния.

– Сыграйте, – предложила мне хозяйка.

Музыка никогда не была моей основной специализацией, но, как выяснилось, в данном случае было достаточно наиграть самую простую последовательность нот. Потом свою мелодию сыграла Анна.

Теперь нас ждал романтический ужин в стиле ретро, а наши мелодии, записанные и разложенные на обертоны, должны были в недрах специального синтезатора слиться в одну, которая затем превратится и в рингтоны наших телефонов, и в сигналы электронных сообщений, и даже в звонок будильника.

Кофе и новые порции удивительных пирожных мне и Анне подали отдельно, в двух крошечных комнатах на один столик каждая, примыкавших к основному залу.

Я знал, что перед созданием пары нам надо непременно пройти беседу с психологом. Стремление к самосовершенствованию поддерживается обществом, посещение тренингов является непременным условием успешной жизни. Обычно приглашение на первый бесплатный тренинг человек получает в день совершеннолетия. Уклоняться от него не принято.

Сейчас же сидевший напротив меня за столиком обаятельный специалист первым делом, как и другие сотрудники Улицы Встреч, поздравил меня с предстоящим созданием ячейки и напомнил, что брак – дело очень полезное, в том числе и для здоровья. Еще в XIX веке английский врач Уильям Фарр начал исследования, итогом которых стал вывод, что в счастливой паре люди чувствуют себя лучше, например, у них кости крепче, а значит, и работают они на благо общества гораздо продуктивнее. Поэтому полноправными гражданами, способными занимать требующие доверия должности, могут считаться лишь те, кто уже перешел из категории ожидающей счастья молодежи на уровень пары. А привилегированный статус присваивается только ставшим родителями гражданина.

– Счастливая пара имеет массу преимуществ, – сказал психолог, ведь члены пары постоянно испытывают ощущение счастья, они имеют возможность делиться всем друг с другом, чувствуют себя защищенными. Поэтому в нашем обществе создание ячейки явля-

ется обязательным, как и соблюдение правил брака. При их нарушении личность аннулируется.

Я ответил, что, наоборот, имею твердое намерение соблюсти все правила. Ведь хорошо известно – от незаконного секса появляются некондиционные яйца, из которых выходят мутанты. Во избежание подобной беды такую некондицию выбраковывают сразу. При создании ячейки и получении разрешения на секс выдается таблетка, предотвращающая мутации.

– Я вижу, молодой человек, вы вполне подготовлены к ответственному исполнению своего долга. Желаю вам удачных яиц! А сейчас прошу проследовать обратно в зал для официальной церемонии поздравления.

7. Всегда возможны неожиданности

Что ж, вчера все прошло прекрасно, теперь мне оставалось исполнить необходимые формальности и получить средство, которое гарантирует нам здоровое потомство.

Приехав в родной инкубатор, я с некоторым волнением прошел в Чертог выбора и положил свой жетон в лоток считывателя, ожидая уже знакомого мягкого зеленого сияния световых панелей и... Собственно, я не имел представления, как выглядит знаменитая таблетка. Но, вероятно, она круглая и в красивой упаковке.

Считыватель тревожно рявкнул, и панель полыхнула красным светом. А потом устройство выбросило обратно в лоток мой жетон, окрашенный тем же запретным оттенком.

– Что случилось? – закричал я, но пульсирующая красным поверхность осталась безмолвной. – Это ошибка... Не может такого быть. Ведь все шло хорошо! Я здоров и лоялен!

Считыватель по-прежнему хранил молчание. Мне оставалось только забрать жетон и двинуться к выходу, надеясь, что я что-то не так понял и красный свет на самом деле символизирует счастливое окончание периода выбора. Ведь были же в старину некие красные светильники, каким-то образом связанные с процессом создания пары...

Но едва выйдя в вестибюль, я перехватил взгляд дежурного консультанта – он смотрел на меня так, будто перед ним не государственный менеджер 22-й категории, а безумная амазонка с пробирками в петлицах камуфляжного комбинезона. Стало ясно, что и впрямь случилась большая беда.

Жетон, утратив свой привычный и приятный для глаз перламутровый оттенок, так и оставался зловеще пурпурным. Я был так потрясен, что не смог ничего сказать консультанту, впрочем, он и сам явно не желал разговаривать с обладателем красной метки.

Плохо осознавая, что именно делаю, я прошел к станции монорельсовой дороги и вошел в вагон поезда, следующего обратным маршрутом.

«Этого не может быть, – твердил я мысленно, – это мне почудилось». Но достать жетон еще раз в надежде, что он обрел нормальный цвет, я так и не решился. Потому что представить боялся, как попутчики отреагируют на то, что рядом находится отверженный.

Мы с Анной договорились встретиться на вокзале, но сейчас, окинув взглядом зал ожидания и не заметив ее, я почувствовал облегчение. По крайней мере, несколько минут у меня есть, прежде чем придется объясняться.

Вот только никакого объяснения мне в голову не приходило. Украдкой достал жетон, но надежды не сбылись. Он продолжал полыхать запретным цветом.

Убрать жетон и выиграть время на объяснения я не успел. Простучали за спиной каблучки, Анна с радостным восклицанием обняла меня за плечи... И увидела злополучный пурпурный идентификатор у меня в ладонях.

Она отпрянула с возгласом отвращения.

– Это ошибка! – закричал я. – Такого не могло быть!

– Не подходи ко мне!

- Я все объясню!
 - Прочь!
 - Анна!!!
 - Не подходи! У нас не будет пары!
- Она убежала. Я остался один.

9. Идеал и его поиски

- Я же говорил тебе, не надо играть в эту иллюзию свободного выбора!
- Несмотря на все, что случилось, Роман говорил весело. Он был истинным профессионалом в деле сохранения позитивного настроения.
- Разве из-за этого...
 - Может быть, и не из-за этого. Читатель постоянно собирает информацию, так что, возможно, он нашел какие-то сведения о предках, которые раньше не проявлялись. Или провел долговременный прогностический анализ твоих собственных параметров.
 - Почему на это понадобилось так много времени? Ведь некондиционные яйца отбраковывают сразу...
 - Ну, это которые явно некондиционные. А если маленькое и глубоко скрытое отклонение, которое к тому же сформировалось позже... А может быть, и лотерея эта тебе аукнулась. Свобода выбора – это уже само по себе отклонение, разве нет?
 - Но что же мне теперь делать?
 - Подумаем.
 - А можно жетон перезагрузить? Чтобы еще раз попробовать?
 - Нет, нельзя. Это же самый сложный процесс выстраивания взаимосвязей в обществе ради сохранения гармонии. И если один элемент оказался дефектным, он сразу блокируется, снова вставить его в тончайшую мозаику уже нельзя. Ведь для того, чтобы такое было возможно, в мозаике должна оставаться дырка, а это противоречит законам равновесия.
 - Но что же мне делать?
 - Как что? Жить. У тебя есть твоя работа, твой образ жизни... Этой области дефектность не коснулась.
 - Но у меня нет пары!
 - А она тебе точно нужна?
 - Это же долг! И если пары нет... я же никогда не стану полноценным гражданином. И не продвинусь по уровням.
 - Все-то вы рветесь продвинуться, а ведь нужны и те, кто честно работает на своем уровне, а не грезит постоянно о повышении...
 - Я хочу быть с Анной!
 - Именно с ней?
 - Да! Она моя идеальная пара!
- Роман пристально посмотрел на меня и вдруг бодро хлопнул по плечу:
- Ладно, не куксись. Решить проблему сложно. Для начала тебе придется отправиться к пси-менеджеру.

9. Стать своим...

- Что вы хотите? – спросил пси-менеджер.
- Мне неправильно выдали красный жетон.
- Почему неправильно?
- Но раньше он был зеленый...

– А теперь красный. Что тут неправильного? Считыватель может выдать зеленый жетон, а может, если есть к тому предпосылки, – красный. Вам он выдал красный. В чем ошибка?

– Но... Но ведь считыватель определил мне Анну как идеальную пару!

– Это никак не связано.

– Я же вложил жетон, прежде чем мне указали выбор. И жетон был зеленый. А теперь красный. Это ошибка.

– В чем вы видите ошибку?

– Я не могу увидеть Анну!

– К сожалению, ничем не могу помочь.

– Но вы же ошиблись! – закричал я.

– Общество не ошибается. Ошибаются только люди.

Мне не только не удавалось увидеться с Анной, но даже и поговорить с ней. Я звонил ей несколько раз, но она не отзывалась, а когда, наконец, ответила, то лишь для того, чтобы крикнуть:

– Я никогда не стану матерью мутанта!

– Да где ты этих мутантов видела? – неожиданно для себя самого взорвался я. – Видела хоть одного, кроме как на плакатах и мониторах?!

Анна оборвала разговор, и больше я до нее ни разу не смог дозвониться. Видимо, она поставила меня в игнор на максимальном уровне.

Роман, узнав о моих злоключениях, не выказал особенного удивления.

– Попробуй обратиться к пси-топ-менеджеру, – посоветовал он. – Ты найдешь его на ближайшей территории Резервной Земли. Если ты, конечно, уверен, что тебе это нужно...

И я отправился на ближайшую Резервную Землю, полуостров, далеко выдававшийся в океан и населенный, насколько мне удалось узнать, дикарями.

Впрочем, по прибытии я оказался во вполне цивилизованном поселке, похожем, скорее, на курорт средней руки, чем на последний форпост общества перед лицом некультурного пока что мира. Здесь был офис пси-топ-менеджера, обширная санаторная территория с несколькими корпусами и живописная деревня аборигенов, относивших себя, как мне удалось услышать, к племени экспонатов.

Пси-топ-менеджер, которого звали Эдуард Утукин, выслушал мою печальную историю, но обнадеживать не стал. Переспросил несколько раз, действительно ли я рассчитываю, что меня вновь воссоединят с Анной, и понимаю ли, какую цену обществу придется заплатить за такое вмешательство в тончайшие настройки считывателя. Я честно признался, что очень хочу снова ее увидеть.

– Что ж, побудьте пока у нас, погостите. Посмотрите, как живут те, кто не вписывается в стремительный современный мир. Мы не принуждаем их соответствовать непосильным требованиям. Пока вы будете знакомиться со здешней экзотикой, мы примем решение.

– Но я могу надеяться?

– Смотря на что вы намерены надеяться.

Прозвучало не слишком обнадеживающе. Или это я просто устал от всех треволнений и дальнего перелета?

– Можно спросить, что это за санаторий?

– Это клиника для лечения дисгармонии.

– Дисгармонии?

– Да, наподобие вашего случая.

– Но мой случай – ошибка техники.

– А отношение к ней – это уже ваш выбор. Точнее, ваша ошибка. Мотивация поведения, инвариантно диктующая выбор точки внимания, определяет и точку отсчета реальности, которая формирует систему координат существования индивидуума.

– И много бывает таких, как я?

– Статистика является стратегически значимой наукой. Проще говоря, если вы не верите, что все происходящее является положительным, вам не место рядом с нами.

– Что же мне делать?

– Если понравится здесь, можете остаться. У дикарей вполне беззаботная жизнь, они не задумываются над искусственными проблемами. Есть еще вариант – вам будет предоставлено место в нашем санатории.

– То есть, мне в любом случае придется жить среди дикарей?

– После необходимой подготовки вы отлично впишетесь в их общество.

10. Быть в резерве

Офис я покинул крайне раздосадованным. Хотя мысль поселиться среди дикарей сначала не показалась мне такой невыносимой, раз уж моя жизнь разбита, но слова о «необходимой подготовке» не внушали оптимизма. Очень быстро я осознал, что при всей декоративности простой и незатейливой дикарской жизни, местное население говорит на понятном для меня, но предельно упрощенном языке, в котором, к примеру, совсем отсутствуют отрицательные эпитеты. Понятия, не охваченные языком племени, они не воспринимали даже после долгих разъяснений. Похоже, подготовка была очень специфической...

Меня поселили в отдельном, но весьма запущенном доме, предоставив в пределах поселения полную свободу передвижения. По крайней мере, никто меня не останавливал. Среди всяческого хлама, заполнявшего подсобные помещения, я нашел несколько книг предконфликтной эпохи. Они были в ярких мягких обложках. Попробовал их читать, но эти издания были до предела нашпигованы описаниями любовных страстей: «Антуан шел по аллее приморского парка и взволнованно думал, какой окажется она, девушка, которой он наконец-то осмелился назначить свидание. Он не видел ее фотографии, это было не принято – просить прислать свое изображение. Но уже слышал голос, который на волне восторга готов сравнить с соловьиными трелями, звоном хрусталя, нежным журчанием ручейка...»

Нет, это было слишком для меня, в моем нынешнем душевном состоянии! «Да мало ли пылких эпитетов приходит в голову молодому человеку, уверенному, что он наконец-то встретил ту единственную, с которой можно будет в любви и согласии прожить всю жизнь». Далее следовало столь же подробное описание ссор, взаимных претензий... Если бы только они, этот Антуан и его, как там ее, Софи, знали, что такое быть вычеркнутым из жизни начисто!

И еще, удивительное дело! В этом романе, где речь явно шла о создании пары, никто не упоминал о яйцах.

Настал момент, когда меня посетили сомнения, так ли все происходит у дикарей, как и у нас. Но во время прогулки по деревне я увидел за живой изгородью небольшое здание с традиционной надписью над входом «Мы к каждому яйцу относимся с одинаковой любовью!».

Это был местный инкубатор. Конечно, пусть дикари не могут выдерживать темп современной жизни, но они имеют такое же право на заботу общества, как и нормальные жители.

Дни шли, а моя ситуация продолжала оставаться неопределенной.

11. Дитя цивилизации

Я слышал, что люди прошлого, когда дети были собственностью, часто мечтали хотя бы раз в жизни увидеть море. Вероятно, у них была очень нерадостная жизнь. Впрочем, у меня она теперь тоже нерадостная, поскольку меня не существует. Хотя я чувствую холод, ощущаю камешки под ногами, помню вкус нехитрого сегодняшнего завтрака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.